

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Отмороженный

Фридрих Евсеевич Незнанский
Отмороженный
Серия «Марш Турецкого»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137890
Отмороженный. Ошейники для волков: Олимп, АСТ; М.; 2000
ISBN 5-7390-1001-2, 5-0000-0000-0*

Аннотация

Его убили, когда он выходил из своей машины, среди бела дня. Выстрела никто не слышал. Убийцу никто не видел. Первым был убит известный банкир. За этим последовала серия загадочных убийств очень влиятельных людей. Герою романов Ф. Незнанского старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ Александру Турецкому пришлось соприкоснуться с тайнами, плата за которые – смерть.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
7	24
8	27
9	31
10	35
11	38
12	43
13	47
14	51
15	57
16	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Фридрих Незнанский

Отмороженный

Часть первая

Список киллера

1

Когда раздался телефонный звонок, мы с женой замерли и в упор посмотрели друг на друга. Тем более что это не составляло никакого труда.

– Ты же говорил, что отключил телефон! – возмутилась она.

– А разве не ты собиралась его отключить? – огрызнулся я, откидываясь на спину.

– Наверняка твой Меркулов, – сказала она, отворачиваясь.

Черт знает что. Никакой личной жизни. Было позднее утро, те самые полчаса перед тем, как проснется дочка и когда мои возможности начинали совпадать с ее желаниями. Вечером я валюсь с ног, мне бы добраться до подушки, а рано утром Ирина ни о чем таком не желает слышать.

Потом проснется дочка – и пошло-поехало...

Что касается Меркулова, то на него похоже. Дозвонится, даже если отключить телефон. И всегда не вовремя. Возлежу ли я в ванне или нахожусь в позе орла на отечественной сантехнике.

И еще недоволен, если не подхожу сразу.

Пришлось встать, накинуть на плечи простыню и тащиться в коридор. (Жена запретила ставить аппарат у изголовья. И правильно, вообще-то говоря.)

– Александр Борисыч! – начал Меркулов, своей начальственной интонацией выражая недовольство. – Долго спите.

– Компенсирую недостаточность своего должностного оклада, – ответил я.

– Тебе не звонили вчера из Минобороны?

– Только их мне не хватало. – Я вздохнул. – Опять генералы-дачестроители?

– Угадал! – злорадно сказал Меркулов. – Твой любимый генерал Тягунов, на которого ты дело вел. Хочет с тобой пообщаться. И только с тобой.

– Зря я его не посадил, – сказал я. – Хоть бы дал теперь выспаться. И потом, чем занимается у нас военная прокуратура? Все эти дела их подследственности.

– С ними все согласовано. Тягунов хочет иметь дело только с тобой. Очень ему понравилось, как ты под него копал. И почти посадил. Уже две смены белья и вещмешок сухарей приготовил... Такое не забудешь.

– Ладно, будет издеваться-то, – пробурчал я, начиная поеживаться от холода.

С Тягуновым как получилось. Дача стоила миллиард, не меньше. Три этажа, подземный гараж, со всеми делами. Был я там. Походил, посмотрел, полазил. Один раз – официально: производил обыск и осмотр помещения с санкции Константина Дмитриевича Меркулова, другой раз навестил этот замок частным образом. В первый раз, когда я делал замеры, солдатиков успели куда-то отослать. Вокруг меня были сплошь ухмыляющиеся рожи штатских строителей. Во второй – служивые, сплошь дембеля, были на месте.

Закончат дом – поедут домой. Такая формулировочка.

Лично я в этом доме жить бы не стал. Это сколько надо народу, чтобы содержать в чистоте комнаты? И сколько замков, запоров, собак и телохранителей? Потом понял, в чем тут дело. У соседа, генерал-лейтенанта, – дача двухэтажная. С бассейном. И твоя жена, поди, каждую ночь нашептывала: негоже тебе, генерал-полковнику, замминистра, иметь такую же. А как же субординация? У него две звезды на погоне, и этажа два. У тебя три звезды. Значит, этажей – не меньше трех. Попробуй сошлись на офицерскую честь и достоинство – запилит насмерть. Как она в глаза будет смотреть соседней генеральше? Будто муж у нее не генерал-полковник, а просто полковник. Можно сказать, разжалованный.

Солдатики ни на что не жаловались. Скорее бы домой. И потом, тут лафа. Ни нарядов, ни строевой. Кормят от пуза. Сама генеральша, когда приезжает, пироги собственной выпечки привозит. Нестарая еще. В теле. Бывает, зовет с собой Мансура, ефрейтора, домой – помочь шторы повесить или мебель передвинуть. Мансур возвращался, отмалчивался, а когда она снова приезжала, краснел, если на него поглядывала.

Но не за этим я туда ездил. Плевать мне на личную жизнь третьей жены генерала. Да хоть десяток их у него. Я больше в процентовки и наряды смотрел, рассеянно прислушиваясь к тому, что мне нашептывали.

А нашептывали все громче и настойчивее. И все больше штатские строители – прорабы и бригадиры. Особенно когда стали им задерживать зарплату. Мода такая по стране пошла – не платить. Нет денег – и точка. Эпидемия, можно сказать. Как круговая порука у банкиров и работодателей.

Тут у мужиков языки и развязались. Солдатыкам все равно, а этим семьи кормить. Это что ж, говорили, деется? Частное дело, наличными платил, а теперь, говорит, банк перестал выдавать. Врет, поди? Нельзя ли проверить? Так у него спросите, говорю. Я за другим к вам на семьдесят девятый километр Минского шоссе мотаюсь. Вот откуда у него вообще деньги взялись, которыми он вам раньше исправно платил? Оклад у него – тьфу, вы, ребята, на него вкалывая, вдвое больше имеете. Что никак не согласуется с законами школьной арифметики.

Конечно, не надо было им это говорить, но как иначе стимулировать дачу ими правдивых показаний, я не знал. Ворюга, соглашались мужики. Но мы-то ничем не лучше. При развитом застое весь народ был несунум и грызуном. Дырки в заборах все шире и шире разгрызались. Хоть на танке выезжай. Только сколько там возьмешь? Сейчас куда лучше условия. И дыры этой в заборе не надо. А уж возможности, не говоря о потребностях... Так что мы, господин следователь по особо важным делам, товарища генерал-полковника не столько осуждаем, сколько им восхищаемся. Большому кораблю, сами знаете, какое плавание. Так что не взыщите. Поговорить можно, но о протоколе даже не мечтайте. А этот дом – что дом? Как построился, так и развалиться может. Особенно если подпалить с четырех углов. Включим ему счетчик, куда денется...

И все же я докопался, несмотря на сочувственный нейтралитет рабочего класса и грезящего о дембеле воинства. Все то же – торговля подержанными машинами, доставленными из Германии. Даже скучно стало. Осталось только напрямую спросить прославленного полководца, откуда у него такие денежки, предъявить ему обвинение и подшить к делу обвинительное заключение.

И вдруг на другой день снова звонок. Как всегда, не вовремя. Опять я повздорил с женой насчет того, кто не отключил телефон, опять она ополчилась на мерзкую привычку Кости Меркулова звонить ни свет ни заря. Но на этот раз голос был незнакомый. И очень жизнерадостный. Скорее даже какой-то жизнеутверждающий. Оказалось, помощник генерала Тягунова – господин Горюнов Сергей Андреевич.

– Вы ведь хотели переговорить с Геннадием Матвеевичем, не так ли? – спросил он.

– Не переговорить, а доставить приводом на допрос, – довольно резко поправил его я.

В гробу я видел всех этих генеральских помощников, звонящих в момент супружеской близости!

– А вы не желали бы для начала переговорить с его банкиром – Савранским Борисом Львовичем, владельцем коммерческого банка «Сатурн»? – спросил он еще более приподнятым тоном.

Я поперхнулся. Всего можно ждать от наших генералов, но о том, что они даже имеют собственных банкиров, я слышал впервые.

– Не расслышал ваше звание, Сергей Андреевич, – сказал я, чтобы что-то сказать.

– Я штатский, – весело откликнулся он. – Можете просто – Сергей. Так что скажете насчет вашей встречи с Борисом Львовичем, которую он уже запланировал на завтра с двух десяти до двух двадцати?

Это была наглость. Банкир, видишь ли, уделил мне время – десять минут! И небось подсчитал, какие от этой благотворительной акции понесет убытки.

– Я могу вашего банкира вызвать к себе в следственную часть повесткой! – вспылил я, и жена осторожно погладила, успокаивая меня, по голому плечу.

– Не вызовете, – от души развлекался генеральский помощник. – Могу поспорить на сотню баксов. Или даже на три.

– Которые вам выделит ваш банкир? – усмехнулся я.

– Ну, – произнес он голосом жлоба, разговаривавшего с лохом, потом спохватился и снова перешел на официальный тон, который ему нелегко давался. – Так что передать господину Савранскому?

– Что я жду его в это же время у себя в следственной части Генпрокуратуры. И поддержку у себя столько, сколько сочту нужным.

И бросил трубку.

– Ты, папа, злой! – приоткрыла дверь моя четырехлетняя дочь Ниночка. – Я тебя такого больше любить не буду. – И топнула красным крохотным башмачком.

Жена поспешила к ней.

– Пойдем, Нинуля, я надену тебе новое платье.

– А почему вы раздетые? – поинтересовался наш несмышлениш.

Ответа не последовало. Жена прикрыла за собой дверь, подмигнув мне напоследок.

Я стал собираться на работу и только вддел левую ногу в штанину, раздался звонок. Так и поскакал к телефону на одной ноге, чертыхаясь и проклиная свою невезучесть.

Это конечно же был Меркулов.

– Что ты делаешь завтра с двух до двух двадцати? – спросил он.

– С двух десяти, – неожиданно поправил его веселый голос давешнего помощника генерала, подключенного Костей к нашему разговору.

– С двух до двадцати минут третьего я собираюсь плевать в потолок! – зло сказал я. – А что?

– А то, что в это время ты должен прибыть в офис господина Савранского, – сказал Костя сквозь зубы, – этого, надо отметить, заслуженного и весьма занятого человека, чтобы выслушать все, что он собирается тебе сказать.

– Это что? Указание по следственному делу? – спросил я. – Тогда попрошу в письменном виде.

Я положил трубку на рычаг и задумался. На Костю, вообще говоря, все это не похоже. В чиновничестве никогда замечен не был. Вряд ли «новые русские», вернее говоря, новые хозяева жизни пользуются у него таким авторитетом. Значит, на эту встречу стоит пойти. Хоть из любопытства.

Я бы и так пошел, если бы не самоуверенность этого господина. Как его там... Ну да, Горюнов Сергей Андреевич. Из молодых, судя по наглому тону, и очень нахальных.

Ясно, что генерала всеми силами хотят отмазать. Посмотрим... Хотя, положи руку на сердце, не очень мне все это нравится. Ну то, чем я занимаюсь в настоящее время. Генерала можно посадить. Или отправить на пенсию. Но дом-то будет стоять! И неплохой дом. И в нем будут жить люди. Даже если его конфискуют. Пусть другие, но жить-то будут! Может, дети-сироты, может, беженцы из Чечни. Какая разница.

И все забудут или не захотят знать, как и кто этот дом построил, вот ведь что. Или вот машины, которые он вывез из Германии на продажу. Ведь классные машины. Хотя и подержанные. Ну пусть кто-то на них наживается, пусть. Но хороший водитель, понимающий в них толк, будет доволен, не так ли? Машина надежная, значит, меньше будет аварий и катастроф. Плохо ли? Сколько жизней спас генерал Тягунов этими автомобилями из Германии?

Вот какая странная философия меня обуюла.

Пожалуй, пора переквалифицироваться в адвокаты. Такую бы речугу в суде закатил. Присяжные бы плакали. Прокурор бы шмыгал покрасневшим носом. А проблемы загазованности наших городов? Ведь эти машины экологически выдержаны, как идеологически были выдержаны старые большевики, господа присяжные заседатели...

С таким настроением за расследование дела лучше не браться. До суда не дойдет, следствие завершится прекращением дела. Но в любом случае мне интересно, что скажет этот банкир Савранский?

Просто интересно. Личный банкир генерала. Подумать только.

У президента и премьера есть личные врачи, а у этого – личный банкир. Наверное, вместе делали деньги при поспешном выводе наших войск из Германии. (И чем поспешнее, тем больше денег?)

Но опять же, если время все расставит и рассудит, то кому потом будет плохо от того, что успешно, на общее благо заработает коммерческий банк, пусть даже основанный не самым законным образом?

2

Короче, на другой день я поехал к Савранскому. А куда денешься.

Савранский принял меня не сразу, сначала из-за дверей до меня доносился его басыстый голос, когда он по-английски говорил с кем-то по телефону, ржал, слушая, наверное, анекдоты из-за океана. Что, кстати говоря, скоро подтвердилось. Когда я вошел к нему, он как-то сразу сощурился и на протяжении всего нашего разговора то и дело щурил глаза, словно прикидывал мне цену или подозревал в чем-то нехорошем. При этом курил толстенную сигару, которая посыпала его вздутую под напором живота манишку пеплом.

– Хотите анекдот? – спросил, рассматривая после рукопожатия свою влажную пухлую руку. – Мне только что передали из Бостона. Значит, приходит «новый русский» к старому еврею и говорит: папа, дай денег на «мерседес»... – И сам же громко засмеялся, закашлялся, не выпуская сигару изо рта, отчего на манишку просыпалось довольно много пепла.

Я вежливо улыбнулся. У толстосумого свои анекдоты, у нас – свои. Про толстосумов. Но рассказывать ему пока не буду. Вот вызову, если понадобится, повесткой к себе в следственный отдел – тогда и расскажу.

– Ну да, вас больше интересует, кто дал генералу Тягунову баксы на его дачу, – поскучнел он. – Я дал. В кредит.

– Сколько? – спросил я.

– Миллион. Или больше, уже не помню. Но можно посмотреть в файл. Или, если хотите, вам покажут на этот счет всю документацию. Поверьте мне, там все чисто. Не подкапаетесь.

– Вы любому дадите такой кредит? – спросил я.

– Конечно нет! – обиделся он. – Вам, к примеру, не дам. И не просите.

– Я и не прошу, – обиделся я в свою очередь.

– Вот и хорошо, – кивнул он. – Теперь вам все ясно?

И взглянул на часы – огромные, напольные, отсчитывающие время с бронзовым звоном. Торопитесь. Ничего, потерпит...

– Все-таки бумаги я бы посмотрел, – сказал я.

– Ноу проблем! – пожал он плечами, по-прежнему не обращая внимания на пепел, толстым слоем покрывший его прикид. Наверно, есть кому отряхнуть и почистить.

Он нажал какую-то кнопку на одном из аппаратов, возвышающихся на его огромном столе.

– Сонечка, деточка, принеси нам все данные на господина Тягунова. Ты знаешь, я велел подготовить на случай, если наш гость из государственных органов их потребует. Он таки потребовал, как я его ни отговаривал.

– Вы взяли с него какой-то залог, имущественный или денежный? – спросил я. – Или как?

– Или как. – Он снова пожал плечами, откусывая кончик у новой сигары. – Откуда у советского, простите, российского генерала может быть такой залог?

– А срок?

– Не помню. Год или полгода. Какое это имеет значение, не понимаю. Сейчас вы все увидите своими глазами.

И снова нажал на кнопку.

– Соня, ты нашла бумаги на генерала Российской Армии Тягунова? А то наш гость спешит.

– Я никуда не тороплюсь, – сказал я.

– Ничего, – кивнул он. – Пусть пошевеливается. А то все у нас пока что на словах да на пальцах. Хотя я предпочитаю личное доверие. Иначе говоря, трест. А у вас все должно быть подшито к делу, я понимаю...

В кабинет между тем вошла пухлая кареглазая девушка и передала бумаги хозяину. Наклонившись, что-то стала говорить ему на ухо.

– Да? – удивился Савранский. – И сколько?

Она снова что-то шепнула.

– Тыпустишь меня по миру, – вздохнул он и, подумав, достал из кармана брюк мятую ассигнацию. Не то пятьдесят баксов, не то десять. Я не разобрал. Путаюсь до сих пор в их президентах. Зарплату-то мне выдают рублями. Я посмотрел ей вслед. Прибитая какая-то.

Савранский еще больше сощурился, глядя на меня.

– Племянница, – сказал он доверительно, – славная девочка. Вся в свою покойную мать, мою сестру...

И шумно высморкался.

Я полистал бумаги. Кредит на полгода. Он что, смеется? Хотя документы были безукоризненны. Но не было кассового ордера.

– И как он вам отдаст с такой своей зарплатой? – спросил я.

– Отниму у него дачу, – пожал он плечами. – Или прощу. Это мои деньги. Что хочу, то и делаю.

– И вы действительно их ему выдали? Наличными?

– А что, нельзя? – сощурился он так, что совсем исчезли его глаза.

– Ну да, коммерческая тайна, – раздраженно сказал я. – Кому хочу – тому даю. Но этим вы покрываете преступника, понимаете?

– Я что-то не припомню на этот счет приговора суда, – жестко заявил он. – Или я что-то пропустил в отношении этого судебного процесса?

Надо взять себя в руки, подумал я. Не следует выказывать свое бессилие. Еще немного – и у него пропадет ко мне интерес. Начнет зевать и поглядывать на часы. Спасибо, что не пустился в рассуждения о презумпции невиновности. Но кажется, намекнул.

– Вы все-таки пытаетесь обвинить замминистра обороны в каких-то грехах? – мягко спросил Савранский. – А речь всего-то о миллиарде «деревянных». Подумайте о последствиях. Вам не приходит в этой связи на память то, что американцы называют теорией домино? Полетят головы, едва возникнет прецедент. А это обойдется куда дороже. В России дачный бум. Воздвигаются миллионы дач. Людям теперь есть где отдыхать. Если же следовать букве закона, дач не будет. Ни одной. Вы этого хотите?

Больше всего меня сейчас злило, что он заговорил моими словами. Совпадение о чем-то говорит. Кажется, он прочел это на моем лице.

– Дорогой... Александр Борисович, – сказал он, заглянув в бумажку, – целесообразность будет править бал в этой стране, пока будут отсутствовать нормальные законы. Коммунисты пользовались государственными дачами и санаториями. Сейчас, успешно поборов привилегии, мы должны создавать их для себя сами. А на какие шиши? Вы можете мне сказать? Ну да, Геннадий Матвеевич отгрохал себе домину, в котором могли бы проживать десяток семей. Склонность к гигантомании, я вас понимаю. Окружающих это раздражает. Но если человек лучшую часть своей жизни прожил в коммуналке с общим туалетом, имеет он право хотя бы на склоне дней компенсировать прежний общий туалет пятью унитазами на разных этажах? В понедельник – на первом, во вторник – на втором и так далее? Человек слаб. Особенно если он может себе позволить жить по-человечески.

Он поднялся из-за стола, давая понять, что урок по ликвидации моей социальной безграмотности на сегодня закончен.

Я посмотрел на часы. Было ровно двадцать минут третьего. Он проводил меня до двери.

– Я, наверно, огорошил вас своим анекдотом, не так ли? Есть такая дурная привычка, ничего не напишешь. Проверяю посетителей на чувство юмора. Чтобы знать, как разговаривать с ним дальше. Вы это испытание выдержали на отлично. Впрочем, иначе и быть не могло. У вас превосходные рекомендации. Но проверить лишний раз не мешает.

Пришлось пожать плечами, прежде чем опять ощутить его потное рукопожатие. А как еще я мог выразить то, что польщен?

– Вы, кстати, еще не знакомы с помощником Геннадия Матвеевича Сережей Горюновым? – спросил он уже в дверях. – Очень интересный молодой человек. Я вообще люблю коллекционировать интересных людей. Считайте, что с этого дня вы попали в мою коллекцию!

Он засмеялся и уже по-свойски хлопнул меня по плечу.

Короче, пришлось мне тогда прекратить дело. За недоказанностью. Нет, с подержанными машинами как раз все было доказано. И про транспортные самолеты, что ночами приземлялись на Чкаловском с драгоценным грузом, тоже все подтвердилось. А вот куда ушли комиссионные – выяснять мы уже не стали.

Пришла бумага с указаниями генпрокурора – дать этому делу полный отбой. Дача построена на законные деньги, полученные в кредит, – и точка. И дурак тот, кто думает иначе.

И вот теперь к этому Тягунову мне придется тащиться на его гребаную дачу? Он теперь в отпуске, видите ли. Устал, поди, от тягот военного строительства и проводимых в армии реформ. Противно туда ехать. Но раз Константин Дмитриевич, наш замгенерального по следствию, велели-с...

3

Но ехать снова на опостылевшую дачу мне не пришлось. Опять позвонил уже упомянутый помощник Тягунова.

Про себя я отметил, что звонок на сей раз был весьма уместный. Я как раз закончил свой завтрак.

– Мы тут с Геннадием Матвеевичем посоветовались и решили, что не стоит вас беспокоить в такую погоду, да еще в пятницу.

Я выглянул в окно. Там накрапывал тоскливый дождик.

– А когда встреча? – спросил я. – Отложим до понедельника?

– Это дело не терпит отлагательства, – вздохнул Горюнов.

– А почему выбор пал на меня? У нас есть и другие работники.

– У вас замечательные рекомендации. Говорят, будто вы все можете. И господин Савранский особо отметил ваше чувство юмора.

– Я не все могу, – буркнул я. – В частности, вашего патрона мне не удалось посадить.

– А очень хотелось? – поинтересовался он.

– Вор должен сидеть! – напомнил я ему нравственную аксиому, столь любезную передовой общественности, что ее не спешат применять на практике, дабы не запятнать.

– Я бы его тоже посадил! – вдруг выпалил Горюнов. – Уж очень занудлив. И при условии, что займу его место.

Я даже присвистнул. Ничего себе, подумал я, помощничек.

– Так что вы конкретно предлагаете? – спросил я.

– Почему бы нам с вами не встретиться вдвоем, на пару? – предложил Горюнов. – В неофициальной обстановке ночного клуба. На ваш выбор. Только не у вас в прокуратуре. Я туда еще успею.

– Есть за что? – поинтересовался я.

– Чувствуется вьедливый следователь, – засмеялся он. – Так как насчет ночного клуба?

– По ночам я сплю, – сказал я.

– Или ведете допросы, – добавил он. – Или сидите в засаде... Фу! А тут ночной клуб, музыка, голоногие девочки и, что следует особо отметить, за вас платят.

– Покупаете? – спросил я.

– Только прикидываю цену, – продолжал балагурить он. – Вы ведь у нас неподкупный, не так ли? И потому дело моего шефа прекратили совершенно бесплатно. Ага?

– Веселый ты парень, – вздохнул я.

– В третий раз предлагаю, – сказал он вдруг серьезно. – Мы встречаемся с вами в неофициальной обстановке. Разговор будет без записи показаний. Смотрите на это как на частное дело, за которое вам хорошо заплатят. Или у вас не бывает дополнительных доходов?

– Нет! – сказал я. – Только зарплата.

В конце концов, хоть это и небольшое нарушение судебно-процессуального кодекса, мы договорились встретиться у него дома. Положив трубку, я попытался понять, почему он изначально показался мне столь неприятным. Возможно, это зависть? Я не могу быть столь раскованным. Не могу или не могу себе позволить? Это следовало проанализировать. Взять того же банкира Савранского. Он-то постарше меня, а тоже какой-то разбитной. Несерьезный какой-то. Или это маска? За которой скрывается нечто иное. На самом деле они ведь прощупывали меня. Проверяли на вшивость. Я могу сколько угодно злиться на них, подозревая, что меня стараются обвести вокруг пальца, но злиться следует на себя. Сейчас их время – молодых, да ранних. Раскованных и раскрепощенных. Наше дело скрипеть зубами и не поддаваться на соблазны.

Так рассуждал я, пока ехал домой к Горюнову по адресу, который он мне продиктовал. Он жил недалеко от Министерства обороны. Квартирка – пара комнат в сталинском доме, с потолками как в православном соборе – сводчатыми и плохо оштукатуренными.

Он долго не открывал, а когда дверь наконец раскрылась, мимо меня проскользнула длинная девица, смеясь и оглядываясь на хозяина – невысокого, коренастого парня с белесыми прилизанными волосами. Он был в футболке и шортах, хотя, возможно, это были трусы.

– Проходите, Александр Борисович, не стесняйтесь. Мы уже закончили, – громко сказал он, отстраняясь и пропуская меня в коридор.

– До завтра? – крикнула девица, стоя у лифта.

– Завтра не могу! – зычно сообщил он всему подъезду. – Завтра мне надо быть в министерстве.

Я успел ее разглядеть. Никогда бы не подумал, что столь статная и эффектная девица, настоящая фотомодель, может польститься на такого невзрачного коротышку.

– Представляете, – сказал он уже в комнате, где на меня уставился огромный темный экран телевизора, похожий на глаз дохлой гигантской рыбыны, ставший квадратным от предсмертного ужаса, – никак не мог ее прогнать. Все хотела знать, кого я так жду. Ревнива, как Дездемона, которой изменил Отелло.

Говоря это, он быстро что-то поправлял на диване, скомкал и без того смятую простыню, сунув ее за шкаф.

– И потому я не успел прибраться к вашему приходу...

Он запыхался, наводя порядок и говоря мне все это.

Что касается меня, то я уже устал удивляться всему увиденному. Генерал Тягунов, которого я видел всего пару раз по телевизору, так и не заполучив его для допроса в свой кабинет, был полной его противоположностью. Он не производил впечатления очень уж крутого воеводы. Эдакий раздобревший дядька с широкими лампасами, наверняка любящий поспать после сытного обеда.

– Вам нравится мой телевизор? – спросил меня Горюнов.

– Ничуть! – поспешно сказал я, испугавшись, что он мне его вдруг возьмет и подарит. А я не буду знать, как от такого подарка отделаться. – Слишком велик для небольшой комнаты. Приковывает все внимание...

– Моим друзьям он нравится, – пожал хозяин плечами. – Кофе, джин с тоником?

– Ни то, ни другое, – покачал я головой, ища, где бы сесть.

Все кресла были чем-то заняты. Джинсы, мятая рубашка, какие-то недопитые стаканы. Бордель, а не квартира помощника заместителя министра обороны.

Он перехватил мой взгляд.

– У меня кавардак, простите, потому и предлагал вам встречу в ночном клубе – единственное место, где приятно пообщаться. В другой комнате еще хуже, все собираюсь сделать ремонт.

Он торопливо наводил порядок. Уборка состояла в том, что он сваливал вещи с кресел на покрытый какими-то пятнами светлый палас.

Я сел наконец в кресло. Кажется, уже понял, как следует вести себя с этим молодчиком. Как не дать ему себя огорошить. Главное, не ждать, что он еще выкинет, и ничему не удивляться.

– Стало быть, к армии вы имеете косвенное отношение? – спросил я.

– Не совсем так... – рассеянно произнес он, уставившись на очередное пятно на кресле, образовавшееся, когда он опрокинул один из стаканов.

– Может, объясните все-таки, о чем будет разговор? – спросил я.

– Одну только минуту! – Он прижал руки к груди. – Никак не мог ее выпроводить. С другими проще. Утром встанут, сварят кофе, помоют полы, посуду и тихо уйдут, чтобы не разбудить. Ох уж эти девочки из ночных клубов! Все такие разные... Вы, кажется, спросили, служил ли я в армии?

– Именно так, – подтвердил я. – Начнем хотя бы с этого.

– Это было мое условие, которое я поставил Геннадию Матвеевичу, когда он предложил мне пойти к нему в помощники, – сначала я должен уволиться из рядов вооруженных сил. Я ведь прошел славный путь – от рядового до прапорщика.

4

Марк Аврелий сказал: наша жизнь есть то, что мы думаем о ней. Сергей Горюнов полагал, что жизнь с ним играет, вернее, заигрывает подобно девице, которая прекрасно осознает, чем закончатся ее отнекивания и отпираания, и только хочет потянуть время.

Рано или поздно он должен обрести свою счастливую планиду.

Так было, когда поступил в Московскую консерваторию. Говорили, будто у него прекрасный голос, что он артистичен, пластичен и непосредствен. Ему предрекали блестящую карьеру оперного певца.

Но плохо, когда все само и сразу плывет тебе в руки. Одно начинает мешать другому. Девчонки так и липли к нему, перспективному, но он сразу наметил для себя Леночку с параллельного курса – тоже вокал, дочка проректора. Не сказать, чтоб особенно чем-то выделялась среди однокурсниц, кроме знатного происхождения. «Ни кожи ни рожи, а туда же!» – сам слышал такие разговоры здешних красавиц, фыркающих за его спиной, когда он направлялся к Леночке с цветами.

Он следовал принципу: не мешай водку с портвейном, а карьеру с любовью. В Леночку вполне можно было не влюбляться. Другое дело – ее папа. Вот на кого Сережа смотрел влюбленными глазами, когда сидел у них за столом и папа рассказывал околотеатральные сплетни. Потом папа шел спать, похлопав его по плечу.

Сережа понимал, что насчет кожи и рожи у него те же проблемы. Но мужчина, хоть чуть-чуть отличный от павиана, смело может считать себя красавцем, – успокаивал он себя каждое утро перед зеркалом, давя прыщи возле носа и на подбородке. Он знал себе цену. И потому был целеустремлен.

Так вот, когда папа-проректор отпраивался баиньки, а мама, устав подливать чай будущему зятю, начинала позевывать и выразительно поглядывать на часы, глаза Леночки стыдливо опускались, а ее оформившаяся грудь при этом начинала подниматься. Когда он уходил, Леночка долго прижималась к нему, выясняя, так же он любит ее, как вчера, или чуть больше?

Это случилось на Леночкин день рождения. Папа отошел ко сну раньше обычного, да и мама, разругавшись от французского шампанского, стала мужественно бороться со сном уже за тортом.

Леночка исправно опустила глазки, будто следя за тем, насколько при этом поднялся ее бюст, потом, провожая жениха, вдруг придержала его за руку и прижала пальчик ко рту. Ее глаза горели, губы полыхали. Сквозь призму шампанского «Вдова Клико», о котором Сереже до сих пор приходилось только слышать, она выглядела почти сексуальной.

Придержав его одной рукой, она другой открыла входную дверь, продолжая не отпускать от себя суженого, уже видевшего себя солистом «Ла Скала».

Было слышно, как тикают напольные часы и скрипит кресло под грузом старавшейся из него выбраться будущей тещи. Выждав еще немного, Леночка вернулась в гостиную. Мамы уже не было. Она заглянула в родительскую спальню. Мама спала, прижавшись носом к волосатой груди храпевшего папы.

Леночка подумала, что другого такого случая у них не будет. Будучи чистюлей, она брезговала койками в общежитии, которые в подобных случаях снимали у подруг ее однокурсницы. Подружки уже заждались от нее подробностей. Никто не верил, что между ней и Сережей ничего такого не было. Сами в курилках и на междусобойчиках говорили исключительно про «это». А ей сказать было нечего. К тому же она стала замечать, что Сережа вольно или невольно стал все чаще поглядывать на Лилию Фахрутдинову, первую красавицу их курса, коей строгое магометанское воспитание не помешало считаться самой горячей и

сексуальной девушкой, готовой переспать со всеми профессорами и деканами, не говоря уж о наиболее талантливых студентах.

Свои зачеты и экзамены Лиля сдавала, как правило, позже всех, на квартирах и дачах преподавателей. Они были к ней придирчивы и строги, и Лиля часто попадала в безвыходное положение – конец сессии, и провал на экзамене грозил исключением.

Леночке надоело слыть белой вороной. Ей тоже хотелось что-нибудь рассказать своим сверстницам. Похвастать победой над самым перспективным и подающим большие надежды. Она хотела испытать то, о чем ее однокурсницы любили рассказывать с придыханием – о нестерпимой боли, сменившейся столь же нестерпимым блаженством. А пока что они подозрительно смотрели на нее, помалкивающую. Что она из себя строит? Всего и привлекательного – вышеназванный папа, ведающий распределением. И как-то Лиля, подмигнув подружкам, предложила ей свои услуги. Мол, если сомневаешься в нем, как в мужчине, она готова его проверить. Рискнуть собой для подруги. Все засмеялись.

И вот настал этот момент. Или сейчас, или никогда. Вчера было еще рано, завтра будет поздно. Значит, сейчас в самый раз.

Сережа все понял по ее взгляду. Ему-то как раз представлялось, что рановато. Он, похоже, уже застолбил себе место в этой огромной московской квартире в центре города, так что спешить было некуда.

Ничего подобного ему в его славном городишке Тейково даже не грезилось. Поэтому теряться не стоило.

Не мог же он ее оттолкнуть сейчас, когда она уже, что называется, была готова? И он раскрылся, как бутон, готовый принять пчелу, чтобы его опылили. Или что-то в этом роде. Сравнение он подберет потом. Когда ему откажут от дома.

Была не была!..

Потом это повторялось как по заданной программе. Алгоритм был опробован и в изменениях не нуждался: она его провожала до двери, дверь хлопала, они слышали шаги ее матушки, отходящей ко сну, и на цыпочках возвращались.

На курсе все сразу сообразили, что к чему. Леночка хорошела на глазах. Сережа выглядел осунувшимся и невыспавшимся. Ну слава Богу! Теперь-то расскажешь? И Леночка рассказывала, делилась подробностями. Оказывается, у него тоже до нее никого не было. Так что учились искусству секса одновременно. Изучали позы по запрещенному пособию для начинающих, вывезенному из братской Индии.

Так продолжалось, пока Леночка не сказала ему, что, похоже, залетела. Кстати, предохранялись они с помощью новейших достижений мировой медицины. Один только раз он опробовал отечественное резинотехническое изделие – и на тебе! По крайней мере, стало понятно, отчего у нас рождаемость к тому времени была выше, чем в развитых странах.

Сережа озадаченно уставился на нее. Он вдруг понял, что на самом деле больше всего на свете любит свободу. И ненавидит пеленки. Значит, прощай оперная карьера? Так или иначе, с ней придется распрощаться. Слишком далеко все это зашло. А у него помимо голоса достаточно прочих несомненных достоинств.

Он даже не раскрыл рта. Леночка все поняла и заплакала. Вернее, сначала дала ему пощечину. А может, все произошло одновременно?

Какая теперь разница.

А в ближайшую сессию экзамен по сольфеджио принимал сам проректор. Сережу он не спешил вызывать, упорно не замечая его вытянутой руки. Кажется, все были уже в курсе и переглядывались с блудливыми улыбочками. Животик-то у дочки с каждым днем все заметнее. Надо что-то срочно предпринимать. Папаша и предпринимает...

Он вызвал Сережу, когда они остались вдвоем в аудитории. Леночка ушла предпоследней, не поднимая глаз, получив пятерку, поставленную заботливой папиной рукой.

Когда несостоявшийся тесть стал задавать свои вопросы, Сережа сразу сказал: это не по программе. Проректор настаивал. Сережа собирался делать только то, что касалось сольфеджио, то есть петь упражнения, в которых вместо слов произносятся ноты.

Проректор любовно вывел в его зачетке жирную двойку.

– Можете жаловаться, молодой человек. На переэкзаменовке вы получите единицу. Это я вам обещаю.

– Смеетесь, профессор? – пожал плечами неуспевающий студент. – Мне на вас жаловаться? Жизнь удалась, когда жалуются на тебя. И совсем плохи дела, если жалуешься ты. Придет время, я поставлю вам единицу за поведение. И вы еще будете просить у меня прощения.

Проректор натужно засмеялся, потом осекся. И только посмотрел вслед Сергею, не забывшему хорошенько хлопнуть дверью.

Что-то напугало проректора. И потому он очень постарался, чтобы приказ об отчислении уже завтра лежал у него на столе. И все равно опоздал.

Студент Горюнов опередил его. Написал заявление с просьбой об отчислении, доложили проректору. Хочет забрать документы.

Подумав, проректор позвонил в райвоенкомат по месту жительства строптивца. В столице он не прописан, ответили ему. Снимает комнату. Не жалея времени и нервов, проректор дозвонился до далекого Тейкова. Так, мол, и так. Отчислен студент такой-то. Отсрочке от службы в армии более не подлежит. Там удивились такой оперативности, но приняли к сведению. И когда Горюнов вернулся на малую родину, его уже ждала повестка из военкомата.

5

От Горюнова я поехал прямо на Пушкинскую, к Меркулову. Я был не в себе. И желал знать, в курсе ли он насчет просьбы генерала Тягунова, как изложил ее мне разбитой помощник.

Меркулов слушал меня, сочувственно кивая. Привычно помассировал ладонью левую сторону груди. Наверное, он понял это все по-другому.

– Не понимаю, в чем твоя проблема, – сказал он. – Генерал хочет, чтобы ты нашел его сына, майора Тягунова, пропавшего в Чечне. Никто не говорит, будто ты должен все бросить и мчаться в Чечню. На тебе около десятка дел, если не ошибаюсь...

– Не ошибаешься, – угрюмо сказал я.

– Саша, пойми, мне этот генерал тоже малосимпатичен.

– Мягко сказано, – перебил я. – Там, в Чечне, такое творится, люди в грязи, крови, вшах, а он особняк себе строит.

Костя поморщился. Все-таки начальник. Знает, что мне его не обойти, и поэтому не терпит, когда его перебивают. Знает, что я ему это прощаю – из любви к нему.

– Я тоже не целую его портрет перед сном, – сказал Костя. – Речь не о нем. Речь об офицере Российской Армии Павле Тягунове, без вести пропавшем в Чечне.

– Вот и объясни мне! – завопил я, руки к груди. – В Чечне люди пропадают каждый день. И этим занимаются военные дознаватели, а не Прокуратура России. Почему надо мне, следователю Генпрокуратуры, заниматься несвойственным делом и искать именно его, а не кого-то другого? Чем они, другие, провинились? Тем, что их папы не замминистра?

Он вздохнул и показал глазами на потолок. Ясно, не сам придумал. Папа, а может, сам министр позвонил генеральному, тот отреагировал... И возбудил дело по факту исчезновения офицера Российской Армии. А расследовать важные дела должны «важняки».

– Во-первых, ты не спросил меня, почему сын замминистра обороны воюет в Чечне.

– Тут прокол, – согласился я. – Что-то здесь не так.

– Пропали без вести многие, но это не значит, что не следует никого искать, исходя из категории равенства.

– И это в точку, – снова кивнул я. – Попахивает откровенной демагогией. Что есть, то есть. Обещаю искоренить из своего сознания.

– Вот его личное дело, – Костя протянул мне серую папку. – Взгляни, полистай, не морщись.

Я и не думал морщиться. Взял, полистал, как велело руководство. Фотография. Открытое, мужественное лицо. Такого действительно хотелось спасти. Награды... Всего-то двадцать три года. И уже майор. Впрочем, в Чечне не только пули летают, но и офицерские звездочки. Уж кому как повезет. Кому пуля в грудь, кому звездочка на погон.

Впрочем, и капитана он получил как внеочередное звание. Закончил высшие курсы переподготовки при Министерстве обороны. Благодарность как лучшему курсанту. Хорошо водит танк. Что еще? Мастер рукопашного боя. Ничего себе генеральский сынок! Взял бы на перевоспитание папашу. Ради одного этого стоило бы его найти...

– И потом, старик убит горем, – продолжал Костя. – Всячески отговаривал сына. Мол, безрассудно смел и отчаян.

– Мне действительно жаль тех, кто погиб там, в этой Чечне! – отрезал я.

– Их не вернешь, – печально сказал Костя. – А тут хоть какая-то надежда. Ладно, не хочешь – как хочешь. Розыск майора Тягунова отменяем. Тем более есть для тебя другое срочное дело. Про убийство банкира Салуцкого слышал?

– Но там уже кто-то работает? – Я оторвал взгляд от папки.

– Кому там работать, Саша! Молодые специалисты, стажеры, студенты – следователи прокуратуры...

– Это у меня ты просишь сочувствия! – воскликнул я. – Ты мне сколько платишь, не забыл?

– Не я тебе плачу, Саша. Я только плачу, когда вижу, как разваливается наш Российский следственный аппарат. И если бы дело было только в деньгах. Многие ребята-следователи не в состоянии составить сносный план следственных мероприятий по делу, представляешь?

– Представляю, – вздохнул я.

Костя махнул рукой. Он-то понимал: когда на тебе столько следственных дел и добрая половина из них – висяки, то не знаешь, за что хвататься в первую очередь. Там убили телезвезду. Там шлепнули заезжего вора в законе. Или вот недавнее дело об убийстве заместителя министра экономики. Конечно, преступники должны быть найдены и наказаны по закону. Но и жертвы, как говорит наука виктимология, тоже не сахар. Они сами спровоцировали финал своего бытия на грешной земле.

Все это я высказал Косте в афористичной форме.

– Поплакали – и будет, – сказал Костя. – Мы с тобой этот мир не переделаем. Все несовершенно, потому что совершенствуется. Идет процесс в обществе. Ну как, берешься?

– Это ты про что? – спросил я. – Про банкира или про сына генерала Тягунова?

– От майора ты уже отказался. Забудем. Я тебе про него ничего не говорил, усек? – наклонился он ко мне через стол.

– Ну вот, уже обиделся. Ладно, беру банкира. Как его – Салуцкий? Кстати, странно, что прокурор Москвы поручил это дело зеленым следователям, почти студентам. Тебе не кажется?

– А кому поручать? – горестно спросил Костя и махнул рукой. – Штат прокуратуры не укомплектован, приходится набирать студентов с последнего курса, а иногда и практикантам поручать сложнейшие дела. Ну все? Не до тебя. Через час у генерального совещание. На нас уже десяток банкиров висит. Одним больше, одним меньше... Ты все понял?

Я вышел от него, стараясь вспомнить, что знаю либо слышал о Салуцком. Об этом деле что-то показывали по телевизору, если не ошибаюсь...

Его убили, когда он выходил из своей машины среди бела дня возле его банка. Выстрела никто не слышал. Свидетелей было полно. Хотя что значит – свидетели? Убийцу не видел никто.

А потом эксперты НТО сказали, будто стреляли с другой стороны Садового кольца. Пуля калибра 7,62 миллиметра. Скорее всего, снайперская винтовка Драгунова.

– Именно так, – сказал, не скрывая облегчения, новоиспеченный следователь межрайонной прокуратуры Володя Фрязин, когда я принимал от него дело. – Выстрел был произведен с другой стороны улицы. Криминалисты, оперы МУРа и свидетели были едины в том мнении, что пуля попала в спину.

– А есть свидетели, – спросил я, – которые видели, откуда и кто стрелял?

Он явно смешался. О том, что свидетели бывают разные в подобной ситуации, он как-то не подумал. Про это они не проходили. Черт знает чему их там учат.

Он не понимал еще, что степень важности свидетелей бывает разная. По нашему уголовно-процессуальному закону любой человек, допрошенный по уголовному делу, – свидетель. Но польза от многих свидетелей – нулевая. Доказательственное значение таких показаний ничтожно.

Это убийство выпадало из ряда. Обычно банкиров убивали в подъездах, наверняка при посадке в лифт или при выходе из оною. Этим наши лифты напоминают самолеты – самое опасное взлет и посадка. Тот, кто стрелял с другой стороны Садового, – настоящий снайпер, ничего не скажешь. И очень уверен в себе.

Правда, не совсем понятна мотивация тех, кто его нанимал. Тот, кто это совершает в подъезде, больше рискует сам, но исполнение – сто процентов. Здесь, в толпе, надо выждать, когда цель никто не загоразивает. Или этот кто-то хочет изменить почерк? Такое тоже бывает. Во всех детективах ищут сходства почерка. На том будто бы и попадаются. Значит, посмотрелся, начитался киллер подобных историй, голова опухла, а ночью осенило: изменяю-ка я почерк! Не в подъезде, а с крыши из снайперской винтовки с глушителем. Пусть ломают головы. Где вот только найти этого умельца?

Уже дома, после ужина, я позвонил Славе Грязнову, временно исполняющему обязанности начальника Московского уголовного розыска.

– Наш общий приятель задал мне задачу, – пожаловался я. – Представляешь, сначала хотел, чтобы я нашел генеральского сынка, пропавшего в Чечне, а потом подsunул мне дохлое дело об убийстве банкира Салуцкого. Пусть твои ребята пошарят по сводкам и компьютерным файлам: нет ли чего подобного в последнее время? И что-нибудь на убиенного воротилу бизнеса.

– Для него нет большего удовольствия, чем ткнуть нас с тобой носом в какое-нибудь дерьмо, – поддакнул Слава.

– Вот-вот, – сказал я. – Ну ладно, ритуальные причитания закончили. Давай к делу. Что ты слышал про Салуцкого? Хоть по телевизору видел, как его кокнули?

– Смотрел и радовался: не нам перепадет этот дохляк.

– Теперь тебе радости прибавилось, – заметил я.

– Что, дело попало к тебе? – хмыкнул Слава. – Это считай что и ко мне. Взвалишь на меня всю грязную работу. В первый раз, что ли.

– Отмоешься, – сказал я. – Когда заберут тебя с Петровки в МВД. Каким-нибудь начальником управления станешь на Огарева. По телевизору покажут.

– Нечего мне там делать, – сказал он с чувством. – Наверное, я вам всем надоел своим занудством. Только по телефону меня спокойно и воспринимаете.

– А там будешь прятаться от нас по министерским кабинетам.

Через пару минут мы устали препираться, и я положил трубку. Слава такой, ему дай поработать в коллективе единомышленников, чтобы было кому поныть, с кем поспорить.

6

Утром я взял с собой начинающего следователя Фрязина и пару девчонок-практиканток с последнего курса и велел им прочесать дом напротив места, где убит Салуцкий. Судя по входному отверстию в голове потерпевшего, стреляли откуда-то с крыши восьмиэтажного дома с другой стороны трассы, впрочем, об этом я уже говорил.

Сам я остановился возле офиса банка, где Салуцкий председательствовал. «Лютетия». Название ничего не говорило, хотя о чем-то напоминало. А раз напоминало, то у Славы должна найтись зацепка.

Хоть какая-то.

Почему убивают именно банкиров? Политиков – не трогают. Хотя кое-кому стоило бы вцепиться. Банкиры более безответные? Или являются хранителями, подобно господину Савранскому, неких коммерческих тайн?

За что их убивают? Кстати, поговорить об этом не мешало бы с Борисом Львовичем. Имя-отчество Савранского я прочитал на визитке, которую он мне сунул, когда я уходил. Кстати, почему-то невозможно представить, чтобы кто-то покусился на драгоценную жизнь Савранского.

Невозможно – и все! Ничем не могу объяснить. На мой взгляд, он может ходить без телохранителей, где ему вздумается. Те, вроде Салуцкого, носят на челе печать смерти. Они могут окружить себя толпой телохранителей, надеть бронежилеты из уральской стали – и все без толку. Замочат, когда захотят.

Так размышлял я, пока не вернулся Володя Фрязин.

– А где девушки? – спросил я. – Ты разве был не с ними?

Он озабоченно пожал плечами. Сообщил, что взял на себя два подъезда, а девушкам досталось по одному. Он полагал, что они уже здесь.

– Будем ждать, – сказал я. – Или пойдешь их искать?

Только этого не хватало. Берут на юрфак каких-то девушек. Сидят сейчас где-нибудь в кафетерии, спасаются от промозглой сырости горячим бразильским кофе и выжидают, когда можно явиться, запыхавшись, и доложить, будто никто ничего не видел. Не всем, конечно, быть Шурой Романовой, бывшей начальницей второго отдела МУРа, с которой мне довелось работать. Она бы душу вытрясла из жителей того дома. Сами бы потом удивлялись, откуда они, оказывается, столько знают.

Мы ждали их еще полчаса.

– Все ясно, – сказал я, скрипнув зубами. – Пошли. Будем искать твоих подруг. Хотя нам следовало бы заниматься совсем другими поисками.

Фрязин виновато понурил голову. Распекать его времени не было. Вот-вот снова пойдет дождь. Все-таки осень, холодно и рано темнеет.

Подойдя к переходу, я еще раз взглянул на дом, откуда предположительно стреляли в Салуцкого. Из квартир – вряд ли. Скорее из того слухового окна. Или рядом. Интересно, туда кто-нибудь заглядывал?

Мы нашли девушек в первом подъезде на втором этаже у первой же двери возле лифта. Сначала на наш звонок там не хотели открывать, но мы слышали чьи-то голоса, которые потом смолкли.

Я настойчиво продолжал звонить.

– Откройте! – крикнул я. – Милиция, прокуратура!

Из соседней двери выглянула старушка.

– Вы по нашему заявлению? – спросила она. – Уж сколько мы их писали. Слава Богу, пришли наконец! Все время там кто-то останавливается. Прямо гостиница какая-то. Один

сехал – трое приехали! И все время шумят, спать не дают. Прежний ничего был, тихий, а энти только бутылки в окно выбрасывают да девок водят...

Дверь наконец открыли. Девушки – Люда и Света – были там.

– Ой, товарищ Турецкий! – схватилась за голову Люда. – Вы нас ищете? Мы говорили им, а они: ничего, ничего, посидите, все вам расскажем и покажем. И не отпускают. Представляете?

«Они» – это два молодчика из Киева, приехавших к москалям по торговой части. Гарные хлопцы, на которых пахать бы и пахать при отсутствии бензина на просторах их родины.

Я с грозным видом повертел в руках их паспорта. Оба женаты. По паре хлопчиков, сыновей. Оттягиваются в столице бывшей колониционной империи.

– Слушаю, слушаю, – сказал я, не возвращая паспортов. – Вы же хотели что-то рассказать сотрудницам Генпрокуратуры. Или просто решили их насильно задержать? Вам перечислить статьи Уголовного кодекса, которые вы нарушили?

Они переглянулись.

– А о чем рассказывать? – робко, покраснев, спросил тот, что был помоложе, Микола.

– Сколько вы здесь проживаете? – спросил Володя. – С какого срока?

Нормальный вопрос. Посмотрим, что ответят.

– Да с неделю... – переглянулись они. Что характерно, куда-то подевался их акцент, на котором они поначалу настаивали. Должно быть, со страху. Девушки наши тоже хороши. Нет чтобы сначала проверить документы, хотя бы насчет семейного положения. Уж если не по службе, то хотя бы из женского любопытства. Так нет, сели с ними пить. Уже пропустили, судя по раздумывавшимся личикам, по паре «рюмок чая».

Может, хотели таким образом развязать им языки? Вот и воспользуемся.

– Точнее, – жестко приказал я. – С какого числа?

– С понедельника? – переглянулись они. – Вроде да. Точно, днем прибыли.

А банкир был убит вечером. Впрочем, они не похожи на тех, кто убивает по заказу. Кишка тонка. И губы дрожат. Особенно у Миколы.

То есть он робеет, а не боится. Есть тут разница, что ни говори.

– В тот день вечером выстрелом из вашего дома был убит человек, – сказал Володя. – Что-нибудь слышали?

Опять точный вопрос. Делаем успехи. Сколько бы они ни переглядывались, ложный ответ их выдаст. Каждый, кто захочет соврать, побоится, что его приятель ответит по-другому. Сейчас бы их развести по разным кабинетам.

Володя меня понял. Кивнул и взял за локоток Дмитро, отвел его на кухню. Мне достался Микола, самый колющийся.

Слово, кстати, точное – «колоть». Иное полено будешь колоть и так и этак, а оно не поддается. А другое – с первого удара. Микола мне показался именно таким.

– Вопрос слышал? – спросил я, придвигаясь к нему поближе.

Пусть попробует соврать, если не понимает, с кем имеет дело.

– Да не знаю я ничего, – потупился хлопец. – Мы в Лужники ездили за товаром. Пока взяли, пока пересчитали, сдали в камеру хранения...

– Какого вокзала? – спросил я.

– Киевского, какого... – буркнул он.

– Стой здесь! – приказал я. – А вы смотрите, чтобы не сбежал, – сказал я практиканткам Свете и Люде. И направился на кухню.

– Ну что? – спросил Володю. – Во всем сознался или колется только в частностях?

И подмигнул при этом ему. Понятливый малый. Хороший следователь из него получится со временем, если не сбежит из-за такой зарплаты, которой хватает только для того, чтобы дотащиться до места работы.

Помню, свой ваучер я сдал в некое акционерное общество, названия уже не помню, которое время от времени присылает мне приглашения прийти за дивидендами. Обычно я звоню туда по телефону и спрашиваю: сколько набежало. Всякий раз получается, что названной суммы не хватает даже на метро туда и обратно.

– Где вы были в понедельник вечером? – спросил я.

– Кто, я? – не понял Дмитро.

Наверное, «вы» он воспринимает как местоимение во множественном числе, и только. Значит, пока не допрашивали в так называемых органах следствия.

Впрочем, возможно, придуривается. Или тянет время.

– Ну не я же, – хмыкнул я.

– А что я, помню? – спросил он с вызовом.

Идиотская манера – отвечать вопросом на вопрос. Если позволить, допрос снимут с тебя. И еще заставят расписаться в бланке допроса.

– Здесь я задаю вопросы, – сказал я тоном следователя НКВД из фильмов о культе личности и его последствиях.

– В понедельник, когда вы только сюда переехали, – деликатно вмешался Володя.

– Ну так бы и сказали сразу: в понедельник! – оживился Дмитро. – Так мы сразу на рынок махнули. Сначала на Черкизовский, потом в Лужники. Только под ночь вернулись. Не одни, правда...

– С девушками? – спросил Володя.

– Ну. Знакомых встретили. Пригласили.

– Товар куда дели? – спросил я нетерпеливо. Еще ударится в воспоминания о проведенной ночи, если не остановить.

– Как – куда? – опять не понял он. Или собирался вывести меня из равновесия, или уж таким уродился.

– Да. Куда? – Я постарался взять себя в руки.

– А на вокзал. Куда еще?

– Квитанция есть? – спросил Володя.

– Микола! – вдруг крикнул Дмитро. – Квитанция у тебя?

– Бис его знает! – отозвался Микола. – Мабуть, у тебе?

– Все разговоры при нас только на русском, – предупредил я.

Он молча кивнул, стал шарить по карманам. Действительно, черт его знает. Чего только не было в его карманах! Обертки от презервативов, автобусные билеты и малоотличимые от них карбованцы.

– Нашел? – снова крикнул Дмитро, продолжая безуспешные поиски.

Мы с Володей переглянулись. Ваньку валяют эти коммерсанты фиговы или действительно такие лопухи.

– Надо бы их снова воссоединить, как Украину с Россией, – кивнул я на портрет Богдана Хмельницкого, красовавшийся на карбованце.

Володя отвел Дмитро в комнату. Там они озадаченно уставились друг на друга.

– У тебе була, – сказал Микола.

– Все разговоры только на русском, – противным протокольным голосом напомнил Володя.

Они сопели, бледнели, кряхтели и покрывались потом, шаря по карманам, потом по ящикам шифоньера с зеркалом.

Похоже было на правду. Незадачливые коммерсанты, которых обворовали. В принципе можно было закругляться. Но что-то останавливало. Было предчувствие: что-то они все-таки знают, хотя сами об этом пока не догадываются или не придают этому значения.

– Этих девушек вы хорошо знали? – спросил Володя.

– Люся и Оксана, – выпрямился Микола. – А что?

– После них вы видели квитанцию? – продолжал Володя.

Они переглянулись, пожали плечами. Или великие артисты, или...

Кажется, я понял Володю. И в целом мысленно одобрил. Квитанции, то бишь этих девиц, найти легче, чем киллера. Тогда ребята из благодарности расшибутся в лепешку и постараются вспомнить. Еще не факт, что знают, не факт, что смогут или захотят что-то вспомнить, но все же...

– Долго они были у вас? – спросил я.

Они снова переглянулись. Ни черта ведь не помнят. Только головную боль после вчерашнего и помнят...

– В среду ушли, – упавшим голосом сказал Дмитро. – Вот лярвы!

– Полегче! – хором сказали Люда и Света. – Сами кто?

Прорезались наконец. Хотя бы в качестве обиженных дам.

– Вы помните, как они уходили, – спросил Володя, – вы это видели?

Опять в точку. Я, пожалуй, возьму его к себе, в следственную бригаду.

– Не помню... – понурил голову Дмитро.

Микола молчал, уставясь в пол. Даже захотелось им помочь. Пропадут ведь вдали от батьковщины среди ворогов москалей.

Володя опять понял меня с полувзгляда.

– Где они торгуют? – спросил он.

– В Лужниках, говорил уже, – угрюмо и обиженно ответил Дмитро.

Я не помнил, чтобы он говорил о чем-то подобном, но решил промолчать.

– Если мы вам найдем их... – начал Володя, испытующе глядя на хлопцев. – Поможете нам?

– Да в чем? – приложил руки к груди Микола.

– Поможем, поможем, – поспешно закивал Дмитро.

– Договорились, – сказал я.

Риск, конечно, был, если говорить о потерянном времени, которого постоянно не хватало. А эти хлопчики, выходит, сидели тут всю неделю, бражничали, отсыпались. До киллеров ли им было? Что они могли увидеть? А то же, что могли бы увидеть другие жильцы дома. Теперь я понял, почему они могли нам пригодиться.

Не сегодня завтра они уедут. А жильцам – оставаться. Потому и осторожничают они, даже если что-то знают. А этим чего бояться?

7

В Лужниках, куда мы добирались, попадая в пробки и совершая объезды, нужные нам киоски мы нашли не сразу.

Там сегодня торговали какие-то смуглые брюнеты. Хотя что значит «какие-то»? Наверняка бакинцы, дружный народ. Никого из посторонних в свою «коза ностру» не подпустят. Хохлушкам еще доверяют.

Я посмотрел на побледневшие лица хлопцев. Вернее, посеревшие. Столько пить и заниматься черт знает чем, вместо того чтобы везти товар домой...

Я подошел к киоскам, предъявил удостоверение. Меня встретили спокойно. В глазах немолодого азера был только вопрос: сколько? И даже нетерпение: ну же! Вас тут много, ментов, ошивается. И всем отстегни. Но тех он хоть знает, помнит наизусть, кому сколько. А нас он видит впервые.

– Здесь у вас работали Оксана и Люся, – сказал я. – Где они?

Он сначала облегченно выдохнул, потом разразился матерной руганью.

– Так вы тоже их ищите? – спросил он, отдышавшись. – Сбежали, сучки! Самому за прилавок пришлось становиться! Это что за молодежь, слушай?

Говорил он почти без акцента, который усиливался, когда ругался.

– А что они натворили? – спросил я. – Ну сбежали. И все?

– Зачем «все», почему «все»? – возмутился он моей недогадливости. – Товар, деньги прихватили! До ночи работали, позвонили, сказали: дядя Рустам, утром рассчитаемся...

– Когда это было? – спросил Володя. – Какой день недели, не помните?

– В среду они заступили, а в четверг их уже не было, – ответил дядя Рустам.

Все сходилось. Девоньки сбежали, ограбив всех присутствующих, кроме меня с Володей.

– От лярвы! – повторил любимое словцо Дмитро.

– Где живут, знаешь? – вполголоса спросил его Володя.

– Откуда? Все равно из-под земли достану! – сжал он кулаки.

В этом можно было не сомневаться, глядя на его решимость. Но зачем копать так глубоко? Еще на подходе к этим осиротевшим киоскам я обратил внимание, что в соседних тоже светятся круглые мордашки каких-нибудь Одарок или Ганнушек. Не может быть, чтобы ничего не знали!

– Стойте здесь, – сказал я Володе и дяде Рустаму.

Я выбрал самую милостивую и задумчивую, без малейших признаков стервозности. Такие на мужчин пока что смотрят как на потенциальных поклонников. Попросил у нее бутылку водки, повертел в руках. Разливали где-нибудь в подвале. И не дальше чем в соседнем квартале.

– Мужчина, ну что вы так разглядываете? – певуче произнесла она. – Все берут, потом еще приходят и просят.

В это можно было поверить. Дешевле водки я не видел.

– И лицензия есть? – поинтересовался я. – И сертификат?

Она машинально состроила мне глазки.

– Такой видный мужчина – и совсем не верит...

Я показал ей свой документ. «Генеральная прокуратура РФ» – пока что действует безотказно.

Ее глазки округлились, а личико, наоборот, вытянулось. Вот-вот заплачет. Или позовет дядю Рустама.

– А паспорт у тебя есть? Разрешение на проживание?

Наверняка просрочено. Но меня-то интересовало другое.

– Ой, лучше возьмите бесплатно... – всхлипнула она. – А кто вам сказал?

– Подкуп должностного лица! – присвистнул я. – Вернее, попытка. Ну так что?

Она молчала.

– Ты Оксану и Люсю помнишь? – спросил я вполголоса, решив, что она вполне созрела для дачи правдивых показаний. – Ну что рядом торговали?

– Это они вам сказали? – приоткрыла она ротик от собственной догадки, не подозревая, что я ее спровоцировал.

Мне самому было противно. Оговорил ее товарок. Еще не факт, что они воровки. Но я привык работать оперативно, так сказать, по горячим следам. И в данном случае эти следы еще не вполне остыли.

– Вот засранки! – с возмущением сказала она.

– Они ограбили дядю Рустама! – подлил я бензина в ее полыхающий костер возмущения. И это сработало.

– Вот подлюки! – сказала она вполне по-украински. – А такие казались честные, порядочные.

– Их надо найти, – сказал я сурово. – Где они живут?

– О, я забыла, где-то на Садовом...

– Адрес, домашний адрес у тебя есть? – продолжал я, по-прежнему разглядывая бутылку.

– Нет, не оставляли... – пожалала она полными плечами. – Тут, правда, землячки ее працуют... работают, – поправилась она, опасливо посмотрев на меня. Значит, еще раньше здешние менты требовали, чтобы объяснялась по-русски. Интересно, что требовали еще?

– Узнай! – приказал я. – А я подожду тебя здесь. Про меня никому ни звука! Ты поняла? Иначе отправлю бутылку с этим зельем на экспертизу, а тебя по этапу – на родину. И поставлю такой штамп в паспорте, что сюда дорога тебе будет закрыта.

Я по-прежнему был сам себе противен. Пугал наивную, еще не испорченную девчонку. Нашел кого...

Она с готовностью кивнула и опрометью выскочила из киоска.

– Хоть запри! – крикнул я вслед.

Она вернулась, заперла дрожащими руками дверь на замок, благодарно и в то же время испуганно улыбнулась. И побежала в глубь рядов.

Я с тоской смотрел ей вслед. Чем приходится заниматься! И ей и мне. Себя, ладно, я пожалуй всегда успею. Опустился до запугивания молоденьких девушек. Но она-то, ей бы сейчас самое время спивать песни, лепить вареники с вишней, гулять с парубками возле пруда.

Она прибежала, запыхавшаяся, через пять минут. Протянула кусок оберточной бумажки с неровно оторванными краями, на котором был торопливо написан адрес: Хмельницкая область и так далее.

Это «далее» меня касалось меньше всего. За этот клочок бумажки я собирался получить свое.

– Баш на баш, дашь на дашь, – сказал я парубкам. – Получите искомый адрес, как только начнете вспоминать, что вы видели или слышали в тот день, когда переехали на эту квартиру.

Они привычно переглянулись. Привыкли работать в паре. А переглянувшись, с вождением уставились на бумажку с адресом, которой я помахивал у них перед носом.

Мы ехали в машине назад, к дому на Садовом кольце, недалеко, кстати говоря, от Склифа. Наши практикантки обиженно дулись. Я отстранил их от разговоров на рынке, а им так хотелось заглядеть, искупить, доказать... Чем я и воспользовался через десять минут,

велел им обойти оставшиеся квартиры. Что они и сделали за полчаса, пока мы с хлопцами толковали у них на кухне.

– Парни! – втолковывал я им со всей убедительностью, на которую был способен. – Наверняка вы посмотрелись видео, и потому вам все кажется, будто я жду, что расскажете мне о свирепом мужике с огромной винтовкой с оптическим прицелом, которого вы встретили, когда выносили ведро с мусором. Может, вы вспомните что-нибудь показавшееся вам странным, необычным? Ведь эти люди, я говорю о киллерах, не как все. То есть могут ходить в кепках и плащах, малозаметные, обыкновенные. Но вот как они держатся? Какой взгляд? Выражение лица, когда вы встречаетесь с ними взглядами? Понимаете, о чем я?

– Может, стреляли из проезжавшей машины? – предположил Микола.

– Исключено, – вздохнул я. – Винтовка достаточно велика, высунется из окна машины, но даже если стрелять с заднего сиденья от противоположной двери – очень трудно попасть. К тому же вид входного отверстия говорит о том, что стреляли все-таки сверху. Заказные убийства, чтоб вы знали, совершаются наверняка. Иначе жертва в случае неудачи будет вести себя весьма осторожно, окружит себя телохранителями. Поэтому жертву расстреливают в упор, а мастера снайперской стрельбы, которые при этом хотели бы благополучно смыться, стреляют с удобной позиции. Я не для того читаю вам бесплатно эту лекцию, чтобы пополнить багаж ваших знаний на случай, если решите этим заняться. Мне нужно знать, что вы видели либо слышали в тот день, понимаете?

– А почему именно мы? – спросили они хором.

– А потому, что вы находились в «горячей точке» – рядом с местом, откуда был произведен выстрел. Вы, и только вы, можете навести меня на правильный след. Так мне подсказывает моя следовательская интуиция.

И снова помахал у них перед носом бумажкой с адресом.

8

В армии Сережа Горюнов отнюдь не унывал. Продолжал верить в свою счастливую звезду. Оказалось, что помимо прекрасного голоса он обладает не менее прекрасным почерком. И потому стал писарем строевой части при штабе. Работа непыльная, место нагретое – но о том ли он грезил? И о том не мечтал, чтобы быть запевалой роты, батальона, участвовать в армейских смотрах самодеятельности, получая призы и грамоты.

Очень скоро Сережа понял – писарь строевой части может – если очень захочет, – многое. Особенно если он с головой.

Об оперной карьере он уже не мечтал. Вернее, перестал мечтать, когда сорвал свой голос во время строевого смотра на морозе, запевая бравурную строевую для приезжего генерала, который при этом прослезился – не то от чувств, не то от холода.

От Сергея Горюнова теперь многое зависело в карьере и прочих жизненных успехах офицеров полка, касалось ли это их продвижения по службе, командировок в столицу или поступления в академию. Да взять хотя бы продвижение очереди на машину или распределение поступивших в часть телевизоров, холодильников, которых всем не хватало...

Вопрос был в том, как подать соответствующую бумагу. И когда. Когда «батя», иначе командир полка, в хорошем расположении духа либо, напротив, встал не с той ноги. Бумага могла и опоздать. При этом Сережа разводил только руками, глядя честными глазами на недовольного офицера – стараюсь, мол, но совсем зашился с исходящими и входящими. Просто не успеваю...

Первыми значение Сережи Горюнова как человека, от которого столь многое стало зависеть в их существовании, раскусили офицерские жены. До этого они с восторгом слушали романсы русских композиторов в его исполнении. Голос писаря строевой части наполнял нежностью их сердца, а теперь они готовы были на все в полном смысле этого слова, когда речь заходила о квартире в новом доме либо о посылке мужа на учебу в академию.

И он, был грех, пользовался. Причем в полку это вскоре стало секретом полишинеля. Мужья скрипели зубами, грозили его пристрелить, но поскольку у самих было рыльце в пушку, только мысленно передергивали затворы, ни разу не нажав на спусковой крючок, – полковые дамы встали бы грудью на защиту всеобщего благодетеля и любимца.

Вскоре Сережа сделался гарантом благополучия этого полка, заброшенного в алтайской тайге, казалось бы забытого Богом и министром обороны. Он взял на себя – не сразу, понемногу, чтобы не слишком нарушать субординацию, – удовлетворение и улаживание всех социальных, материальных и прочих потребностей личного состава с их чадами и домочадцами. Обеспечивал благодаря своим связям лучшими, экологически чистыми продуктами солдатскую столовую, офицерский буфет и военторг. Ставил в наряд офицеров, когда его просили об этом их жены, чтобы дать чуточку свободы на то время, когда другие офицеры отдыхали после наряда.

У него образовались прочные связи – от тайги до британских морей, включая столицу с ее Генштабом, министерством и академиями, – с коллегами, неприметными клерками, такими же, как он, вкусившими сладость тайной власти над своими начальниками.

И они тоже, выполняя его пожелания, составляли нужные бумаги, факсы, зная, как, кому и в какой момент их подать на подпись, чтобы, к примеру, вечно занятому шефу некогда было пробежать ее глазами.

Сережа расплачивался с ними, как правило, пантами пятнистых оленей, коих было в избытке в здешнем заказнике. Эти целебные рога пользовались растущим спросом среди пожилого, тучного комсостава, приходящего в восторг от мысли, что с помощью экзотиче-

ского снадобья из рогов можно будет наставить рога своим лучшим друзьям и однокашникам.

Благодаря этим связям удалось придержать приказ об отправке на пенсию из рядов вооруженных сил «бати», чего все в полку не могли дожидаться. Так «батя» стал его должником. И подписывал теперь любую бумагу не глядя. Касалось ли это графика нарядов, отпусков или распределения запчастей для автомобилей.

Все были довольны Сережей. Врагов у него не было. Он все мог организовать и обеспечить. У него все было схвачено, расставлено и упаковано. Вплоть до сведений о «внезапной» инспекторской проверке – об этом ему из Москвы сообщали заранее. Вплоть до своевременной выплаты офицерского жалованья, к тому времени уже ставшей трудноразрешимой проблемой.

На Сережу молились все – офицерские жены, их обманутые с его помощью мужья и рядовой состав, поскольку в этой части благодаря его связям и стараниям кормили от пуза, лучше, чем в других.

И потому, когда пробил час его дембеля, весь полк чуть не упал на колени. Его просили остаться на сверхсрочную.

Вот когда он впервые задумался над пределом своей отнюдь не легитимной власти. Здесь он может все. А там? Там, в Москве, и без него хватает оглоедов. Там все забито. Палец не просунешь. Но здесь он уперся головой в потолок, но какой высоты потолок? Значит ли это, что он не способен на большее?

В Москве у него есть связи, но чем он будет расплачиваться за услуги? Там придется все начинать сначала.

И все же он верил в свою звезду. И потому – пора откланиваться. Не ждать, когда пройдет его время и все не будут знать, как от него избавиться. Как это происходило на его глазах с «батей». А такой момент обязательно наступит – он знал это точно. Кому он будет потом нужен?

Его подвезли на «газике» командира полка до аэропорта в Барнауле...

И вот тут он впервые увидел своего ангела-хранителя, который скорее был похож на черта – черный, небритый, с длинным кривым носом, с северокавказским акцентом. Он подошел к Сереже вплотную и сказал, настороженно озираясь:

– Земляк, хочешь заработать?

– А в чем дело? – спросил Сережа. Этот усатый ему сразу не понравился.

– Будь другом, пронеси одну маленькую вещичку. Мы с тобой летим на Москву, там нам ее отдашь. Ты дембель, тебя шмонать не будут.

Теперь пришла очередь оглянуться Сереже. Сзади прохаживалась еще парочка таких же небритых и усатых, в кепках, надвинутых на глаза.

– Не бойся, земля! – впервые улыбнулся собеседник. – Я сам служил, сам был дембелем. Знаю, как и что. А я с товарищами за тобой в очередь встану. Ну? И без шуток, да? А то под землей найду!

«Ну» прозвучало угрожающе. Сережа смекнул, что если откажется, то станет для этой тройки нежелательным свидетелем. Сунут перо в бок – и в толпу. Ищи-свищи. Он бегло осмотрел зал. Парочка молоденьких милиционеров балагурила с отлетающими девушками. Несколько пожилых, нагруженных сумками и мешками мужиков. На кого тут рассчитывать в случае чего? То, что дембелей не шмонают, он знал. И все-таки...

– Сколько? – спросил Сережа, чтобы что-то спросить, ни на что уже особенно не надеясь. Тем более времени на раздумье не оставалось.

– Пятьсот, – сказал собеседник. – Половина сейчас, остальные потом. Риска никакого, сам видишь...

И, еще раз оглянувшись, сунул ему картонную коробочку, наверно, от шампуня.

– «Наркота», – подумал Сережа машинально, не считая, принимая тонкую пачку долларов.

Это была первая в его жизни валюта, которую он держал в руках.

Он пожал плечами и двинулся к стойке, где проходила регистрация.

Девушка в форме ему улыбнулась, пропустила, не глядя на чемодан, который сейчас обжигал ему руку. Он прошел с ним дальше, чувствуя спиной взгляды своих работодателей. Потом, услышав, что происходит что-то неладное, оглянулся.

Их взяли прямо в очереди невесть откуда набежавшие омоновцы и грубо, пиная, потащили от стойки регистрации к выходу.

Только «ангел-хранитель» успел обернуться и крикнуть: «Тебя в Домодедове встретят!»

Омоновцы тоже оглянулись, выискивая глазами, кому тот мог крикнуть. Но Сережа тут же отвернулся, продолжая идти ватными ногами к самолету.

Но сначала их собрали в накопителе, где предстояло ждать посадки. Сережа стоял сам не свой. Встретят в Домодедове? А как его узнают? И что подумают? Ведь он прилетит один. Кто даст им знать?

Но раз так сказано, значит, встретят. Кто? Как выглядит этот посыльный? Вот ввязался! А если проверят с собаками, которые наркоту чувят сквозь металл? Им, собакам, без разницы, дембель ты или не дембель.

– Где тут у вас туалет? – спросил он дежурную.

– Скоро посадка, потерпите, – улыбнулась ему девушка.

– Я скоро! – заверил он, приплясывая для понта, чтобы показать, насколько подперло.

– Только быстро. – Она открыла ключом дверь в аэровокзал. – Налево и по лестнице наверх. Там увидишь. Донесешь, не расплескаешь?

Любят в нашем народе солдатиков, что и говорить...

Он только кивнул и побежал, крепко держа чемодан, наверх.

Туалет был пуст. Он зашел в кабинку, лихорадочно путаясь в ключах, стал отыскивать нужный. Наконец открыл чемодан, достал коробочку.

Коробочка как коробочка, обыкновенная упаковка. Только слово «шампунь» и можно разобрать...

Открыл ее. Там был тюбик с такой же надписью. Дрожащими пальцами отвернул колпачок. Понюхал. Шампунь как шампунь. Чуть выдавил. Показалась тягучая, прозрачная желеобразная масса.

И все? И только-то? Что за игры на свежем воздухе?

Но баксы – вот они! Он достал их из кармана шинели. Похрустел, полюбовался на холеные лица пожилых президентов в париках. Самолет, конечно, вот-вот взлетит. Плевать. За такие деньги можно еще взять билет. И не один.

Так что в этом тюбике? Он снова надавил. Шампунь полез из узкого горлышка, а потом в нем что-то сверкнуло...

Он ухватил двумя пальцами эту сказочно красивую цепь и вытащил на свет бриллиантовое ожерелье очень тонкой работы.

Камни тускло поблескивали в желе. Он оглянулся, спустил воду, промыл в ее потоке добычу. Отмытые камни стреляли голубыми искрами.

Куда с ними теперь? В милицию? Объяснять там, как и почему он согласился провезти этот ворованный или контрабандный, словом, незаконный товар? Ведь он – сообщник, хоть и раскаявшийся.

Ну нет! Деньги – это отчеканенная свобода! Не им сказано, но согласен он полностью. А это огромные деньги, судя по всему.

В Москве с ними не пропадешь.

Он быстро пошел к лестнице. Как бы не опоздать. И плевать, что кто-то будет встречать в столице. Вон сколько дембелей! Всех не встретишь.

Он почти бежал по лестнице вниз, как вдруг на ходу остановился, едва не выронив чемодан.

Возле входа в накопитель стояли два омовца и о чем-то говорили с дежурной.

– В туалет один побежал, – донеслось до Сережи. – Сейчас должен вернуться, я его предупредила.

Стараясь быть незамеченным, он снова поднялся наверх, прошел мимо туалета, спустился по другой лестнице. Посмотрел через стеклянную стену на свой самолет. Последние пассажиры поднимались по трапу.

Тоска его взяла. Значит, не удастся улететь? По сути, он сейчас прячется от ментов. Хотя пока ничего дурного не сделал. Вернее, уже сделал – скрывает краденое.

Неужели эти кавказцы показали на него? Он сел в сторонке среди пассажиров, поглядывая, как открываются двери и люки самолета.

Зачем им это надо? Если их ловят как похитителей бриллиантов, зачем показывать на него? Сейчас камней у них нет, попробуй докажи. А если возьмут его по их наущению, то ему придется показать, что драгоценность ему передали они. Чтобы пронес. Стало быть, не выгодно им, чтобы его взяли. Наверное, кто-то вел их, следил за ними и видел, как они общались с ним. И тот наблюдатель сказал про это ментам.

Значит, лететь ему с камнями нельзя. Просто голова кругом. А что с ними делать? Надо будет придумать. Но не сидеть же здесь в аэропорту и не ждать, когда его возьмут с поличным. Пришьют срок за укрывательство.

Выход был один – возвращаться в часть. Он подпишет контракт, как его просили, останется там и будет ждать момента, когда с этими камнями можно будет слинять. Когда про него забудут.

Наверное, его сейчас везде ищут. На вокзале в том числе. Нет, вернуться в родную часть – самое то. И там залечь на дно. Переждать.

Кстати, не так уж плохо там ему было. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе. Не он опять же сказал, но и с этим он полностью согласен.

И он вернулся в часть. Написал задним числом – на всякий случай – заявление о сверхсрочной. «Батя» прослезился, расцеловал и подмахнул, как всегда, не глядя.

Теперь у него было алиби. Пусть хоть такое хлипкое. К тому же он верил, что в обиду его здесь не дадут. Он верил в судьбу. Верил, что все, что ни делается, – к лучшему. Значит, ему предначертано побыть здесь еще год-другой. Такие деньги, спрятанные в тубике с шампунем, он не заработает на гражданке и за пятьдесят лет. И это «ангел-хранитель» вручил ему бриллианты, отправив обратно, на дорогу своей судьбы. Ибо в том самолете она бы оборвалась... Самолет разбился, заходя на посадку. В Новосибирске...

9

Слава Грязнов ходил по моему кабинету и говорил, говорил, размахивая руками. Время от времени останавливался, чтобы переспросить: «Старичок, у тебя действительно ничего не осталось в сейфе?»

– Может, нам самим слазить туда на чердак и своими руками там все перебрать-перещупать? – вдруг спросил он.

– Восемь дней прошло, – махнул я рукой. – Ни одного свидетеля. Уж как я этих ребят с Украины пытал. У них одно на уме – скорей бы вернуться домой. Ничего не бачили, ничего не слышали...

– У тебя есть протокол допроса – магнитофонная запись их рассказа? – спросил Слава. – Ты ничего не упустил?

– А они ничего толкового и не рассказали, – вздохнул Володя Фрязин. – Их показания уместились на полстраничке протокола.

– Подумаем еще раз. – Слава приложил палец к губам. – Этот банк «Лютеция» был открыт в ноябре девяносто первого года. Понимаешь?

– На деньги родной партии и дорогого правительства, – усмехнулся я. – Тебя, Славик, я позвал, как свежую голову. Чтобы ты смог взглянуть на все со стороны. А ты опять нас толкаешь на ту же стезю. Ах, золото компартии! Где оно? Там же, где золото инков.

– Все сказал? – спросил Слава, уперев в меня свой указательный палец. Есть у него такая вредная привычка. Не помню, говорил ли о ней?

– Все! – сказал я.

– Нет, не все, – мотнул он своей некогда рыжей, а теперь наполовину пегой, лысеющей головой. – Ты не ответил на мой вопрос: осталось ли у тебя что-нибудь в сейфе?

Чертыхнувшись, я полез в сейф. Он следил за мной, чуть склонив голову набок, подобно курице, ожидающей, подсыплют ли ей зерна.

– Мне нужна твоя свежая голова, – повторил я, доставая бутылку коньяка, на дне которой еще что-то плескалось. – Мне нужно, чтобы ты говорил глупости, которые, если их систематизировать, приведут к истине с неожиданной стороны.

Он выхватил бутылку у меня из рук и приложился к горлышку, закинув голову. Володя Фрязин смотрел раскрыв рот, как светило сыска, давясь, с томительным бульканьем высасывает последние капли.

Будет что рассказать стажерам и следователям с месячным стажем работы.

Переведя дух и вытерев губы рукавом, Слава зажмурился.

– Итак, прослушаем еще раз, что рассказывали тебе эти заезжие братья по СНГ. – Он вставил в кассетник пленку, на которой я зафиксировал никчемные показания этих молодых хохлов.

Он включил магнитофон. Все то же. Как добирались с вокзала, как искали квартиру... Поморщившись, я отнял у него магнитофон и перемотал немного вперед.

– Вот здесь, – сказал я.

– Ну мы договорились с хозяйкой на четыре, а делать было нечего, приехали в три, – рассказывал Микола. – Ее еще не было. Жилец собирался. У него два чемодана, пока уложишься... Хотели ему помочь, а он не дал. Я только приподнял – здоровенный. А он их один попер, остановил такси и уехал. А после хозяйка подошла. Ну вот, со всеми подробностями, как вы просили.

– Как он выглядел? – спросил я.

– Ну как... Высокий, загорелый, хмурый, – продолжал Микола. – Так он же уехал из Москвы. Да... а одет был просто, бедно даже.

- С чего ты взял, что он уехал из Москвы? – спросил Володя.
- А он при нас садился в машину и сказал частнику: мол, на Курский. И побыстрее.
- На поезд опаздывал, – подсказал Дмитро.
- Так на такси или к частнику он сел? – спросил я.
- К частнику. Вроде... Нет, точно к частнику.
- Он машину поймал или сама подкатила? – спросил Володя.
- Вроде сама... Мимо проезжал и увидел его с чемоданами.

Слава выключил диктофон.

- И что? – спросил он.

– Когда человек спешит на вокзал, особенно если приезжий, он заказывает такси, не так ли? – спросил я. – Возможно, он таким образом обеспечил себе алиби?

– Из тебя преступник получился бы лучший, чем «важняк», – сказал Слава. – Ловишь блох, тебе не кажется? Я понимаю: других персоналий у нас нет...

– У нас с Володей нет, – уточнил я. – Фигурирует один мужик, спешивший на вокзал. Даже не подождал хозяйку.

Обыденная ситуация, из которой ничего не высосешь. Он уехал в четвертом часу, Салуцкого замочили после шести, точнее, в четверть седьмого. Время, конечно, было, чтобы вернуться и подготовиться. Но есть и риск. Попасться на глаза тем, кто знает, что ты уже ешь холодную курицу в поезде, набирающем скорость. Это запомнится.

Нет, такие ребята заранее забираются на чердак, когда их никто там не видит. И отлеживаются, ожидая своего часа. Возможно, он караулил банкира не один день. Все-таки задание чрезвычайно трудное. Попробуй выследи в толпе в час пик – и попади точно!

– На нем были очки, – напомнил Володя. – Обычные. С диоптриями. Это они вспомнили в другом месте, когда еще раз попытались его описать.

– Тоже не факт, – раздраженно сказал я. – Специально надел, чтобы невозможно было заподозрить в нем снайпера. Что тут непонятного?

Надо взять себя в руки. Хуже нет, когда все факты начинаешь подгонять под свою версию. Моя версия пока что состояла в том, что это сделал не жилец, которого эти хлопцы сменили. Володя мне поддакнул, хотел как лучше, а посеял еще большие сомнения. Вон как Грязнов оживился, услышав про очки.

– Вы хоть фоторобот составили? – спросил он со вздохом. Мол, сам не сделаешь, никто не почешется.

– Да зачем он? – отмахнулся я, продолжая оставаться недовольным собой. Действительно, следовало составить фоторобот. Не помешал бы.

– Не успели, – постарался выручить меня Володя. – Они уехали. У них были билеты. Но я взял с них слово, что позвонят, когда снова сюда заявятся.

Грязнов вздохнул, но ничего не сказал. Его вздох был красноречивее слов.

- Лучше скажи – есть что-нибудь подобное в оперативных сводках МУРа? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

- А на Салуцкого что-нибудь есть?

– Все-таки думаешь, что это криминальные разборки? – задумчиво спросил Слава.

– Ничего я не думаю, – сказал я. – Просто попросил тебя разузнать, что за человек этот банкир. Вернее, что это был за человек, – поправился я.

– Какая теперь разница, – беспечно махнул он рукой. – Ты мне лучше другое скажи: парни эти уехали, но хозяйка-то осталась? Она-то его чаще видела.

Это прозвучало так: вот где я тебя достал!

Я свирепо посмотрел на Володю. Тот прижал ладони к груди, чтобы возместить этим жестом недостаток убедительности.

– Пятый день ее ищут! Сдала квартиру, а сама живет по Горьковскому направлению, где-то за Салтыковкой, у сестры на даче. Клиентов ловит на Курском вокзале. Деньги берет вперед. Вот все, что сказали соседи.

Мое недовольство своей персоной нарастало. Оказывается, она деньги брала вперед. Вот почему этому мужику не стоило ее дожидаться.

А я только что выразил удивление по этому поводу. Интересно, Слава это пропустит или не преминет воспользоваться?

– Стало быть, она видела его один только раз, – вздохнул он. – И довольно давно. Может и не вспомнить, как он выглядит.

– Квартира сейчас занята? – спросил я Володю.

– Какая теперь разница? – махнул он рукой.

– Такая, – ответил за меня Слава. – Если квартира не занята, значит, она ловит жильцов на вокзале. Твой шеф правильно тебя спросил. Она, выходит, там стоит, тебя высматривает, а ты почему-то здесь сидишь и старших по должности перебиваешь.

Мы с Володей переглянулись. А что? Похоже, коньяк расширил сосуды Вячеслава Ивановича до необходимой величины. И кто знает, было бы в бутылке больше – уже знали бы, кто шлепнул банкира Салуцкого...

Володя быстро набрал номер телефона той нехорошей квартиры. Длинные гудки были слышны даже в другом конце кабинета.

– Еще не факт, – сказал моими словами Слава. – Может, тоже укатили в Лужники... Значит, слушай меня внимательно. – Он взял Володю за пуговицу на пиджаке. – Позвонишь сегодня вечером. Звони хоть до утра.

– Для чего? – не понял Володя. – Я лучше туда подъеду, спрошу у соседки. Хозяйка всегда поручает ей смотреть за тем, что у нее в квартире делается.

– Или так, – кивнул Слава. – Я про другое. Завтра ты должен сойти с поезда, прибывшего с богатого юга, ты понял? Грузенный сумками и чемоданами. Тогда она сама тебя найдет. Вернее, сбегутся к тебе многие, кавказцев не все решаются поселить. А тут – русский парень, весь в коже, с сумками.

– У меня нет кожаной куртки, – застенчиво сказал Володя.

– Это никого не колышет, – поморщился Слава. – Чему там вас вообще учат... Найдешь. Ограбишь кого-нибудь. Это твоя проблема, ты понял? Значит, набегут на тебя бабули, будут предлагать квартиру, ты скажи: мол, нужно в районе Склифософского, на случай форс-мажорных обстоятельств, чтобы «скорой» далеко не везти, – вот тут она твоя! Хозяйка то есть. Бери ее тепленькой, пусть довезет тебя до квартиры, а там составишь с ее помощью фоторобот квартиранта. Начни, кстати, с очков. Мало ли. Вдруг это вызовет у нее удивление? Какие, мол, очки? Ни про какие очки ничего не знаю. Понял, да?

– Его бы к вам на юридический факультет, – сказал я Володе не без зависти. – Готовить нам смену. Такие лекции по криминалистике только после двухсот граммов читают! А представляешь – после трехсот?

– Вам бы только зубы скалить, – проворчал Слава самодовольно. – А дело стоит. Так ты про Салуцкого интересовался?

– Разве? – удивился я. – А ты собирался что-то рассказать?

Володя улыбался. По-видимому, понемногу привыкал к нашей пикировке, уже не страшась, что мы разругаемся всерьез.

Сейчас заладит, когда был основан банк «Лютеция», подумал я. Привык танцевать от печки.

– Банк «Лютеция» был основан в ноябре девяносто первого, – сказал Слава, прикрыв глаза, будто читал отходную Салуцкому и его банку. – В те дни, если помните, либеральная

общественность стеснялась спрашивать у нуворишей: откуда, мол, деньжата. Полагали дурным тоном.

– И этим пользовались все кому не лень, – подтвердил я.

– Заявленный капитал банка не превышал минимальной суммы, уже не помню какой, но оборот финансовых операций рос со сказочной быстротой. Процентная ставка была ниже, чем у других, а процент по вкладам был выше крыши. Многие полагали, что банк скоро прогорит. Но вкладчики несли и несли... Иногда до миллиона баксов в день. Просто не знали, куда складировать эти тонны денег. Было понятно, что добром это не кончится. Но банк процветает по сей день. По-видимому, на зависть конкурентам. И вот чем это закончилось.

– У них были должники? – спросил я.

– Подобные вопросы лучше передать Савранскому, – пожал плечами Грязнов. – Твоему новому другу. Но я бы не портил с ним отношения, пока он не даст тебе кредит на дачу.

Я проглотил это замечание. Оставил без ответа, как и многое другое. Слава привлекает меня не тем, что подсказывает, а тем, на какие неожиданные выводы своими рассуждениями наталкивает. То, что он сказал сегодня дважды про ноябрь девяносто первого, навело меня на мысль, что в последнее время убивают как раз банкиров, основавших свое дело именно в том году. С точностью до месяца-двух. О деньгах партии поговорили и забыли. Но деньги, и немалые, откуда-то возникли именно в те дни.

Надо полистать газеты тех дней. Мне все больше кажется, что шум по поводу партийных денег был призван отвлечь от денег настоящих. Может, я не прав. Но проверить стоит.

– Итак, на чем мы остановились? – спросил я.

– На том, что тебе следует поговорить с Савранским по поводу беспроцентного кредита для строительства личной дачи, – ответил Слава. – И заодно расспросишь его про Салуцкого. Банкиры не любят говорить о коллегах. Тем более о мертвых...

10

– ...Или ничего, или только хорошее, – сказал мне банкир Савранский. – Помните это древнее изречение?

– Боюсь, это будет продолжаться, – сказал я. – И еще больше будет тех, о ком не говорят ничего либо только хорошее.

– Это намек? – поднял кустистые брови Борис Львович. – Запугиваете?

– Пытаюсь вычислить вашего потенциального убийцу.

– Ну что ж, – весело сощурился Савранский. – Поскольку вы меня уже числите трупом, значит, меня это правило не касается. Поговорим о мертвом банкире. С Семой Салуцким меня познакомил уже известный вам помощник министра Сережа Горюнов. Вам это ничего не говорит?

– Ничего, – пожал я плечами. – Кроме как о разносторонности интересов этого молодчика. Распространяются ли они на вооруженные силы, вот вопрос. И если да, то в какой именно области.

– Сема был жалок, – продолжал Борис Львович. – В каком-то пальтишке на рыбьем меху, несмотря на холодный октябрь.

– Девяносто первого! – не преминул я щегольнуть своей осведомленностью. Но он оставил успехи моей эрудиции без внимания.

– Кажется, они были заядлыми картежниками, – продолжал Савранский. – Работали в паре. Но нарвались на более умелых шулеров. И когда вконец разорились, к тому же будучи изрядно побиты, то пришли к выводу, что неплохо бы иметь свой банк. Чтобы играть дальше.

– А вы, позвольте спросить, откуда знаете господина Горюнова? – перебил я Савранского.

Он, по обыкновению, сощурился. Не твое собачье дело, как бы говорил его прищур. Но ответил достаточно вежливо, хотя и сухо:

– Меня познакомил с ним генерал Тягунов, известный вам по вашему расследованию. Вам достаточно этого объяснения? Или следует добавить, что мое знакомство с господином Горюновым вовсе не означает, будто я имею с ним что-то общее?

– Мне достаточно, достаточно... – поднял я руки вверх.

– Кажется, Бертольт Брехт сказал: что значит ограбление банка по сравнению с его основанием? – продолжал Борис Львович. – Вы, кстати, не хотите чаю? Кофе?

Я пожал плечами. Он нажал кнопку на своем громоздком селекторе и снова раскурил громадную сигару, отчего пепел с его жилета осыпался на палас.

– Сонечка, деточка, два кофе – мне и господину сыщику... Нет, не Шерлоку Холмсу, говорил уже, Шерлоку Холмсу ты принесла бы горячий пунш и плед на ноги.

– Она у меня любит детективы, – сказал он мне, отпустив кнопку. – И в каждом вашем коллеге ей чудится герой Конан Дойла. Вы, кстати, не обиделись, когда я сказал, что вы не Шерлок Холмс?

– Ничуть. Мне вполне достаточно того, что я Турецкий.

– Вы хотя бы существуете в реальности, – вздохнул Савранский. – А тот существовал в воображении очень среднего писателя.

– Поди знай, что хуже, – заметил я.

– Так на чем мы остановились? – спросил он.

– На высказывании Брехта, – напомнил я. – Дескать, куда грабителям банков до их основателей.

– Вот именно! – сказал он. – Так вот, не прошло и месяца, как Сема Салуцкий снова заявляется ко мне – одетый в клубный пиджак, с бабочкой, хорошо откормленный – и предлагает сотрудничество. То бишь предлагает кредит. Представляете?

– Мне еще никто не предлагал, – ответил я. – Так что невозможно представить. Но откуда у Салуцкого появились деньги?

– Спросите чего полегче. Я все больше подозреваю, что, спрашивая о Салуцком, вы на самом деле эти вопросы обращаете ко мне.

– Вас еще не убили, – напомнил я.

В это время в кабинет вошла давешняя Сонечка с подносом, на котором стояли две чашки кофе. Ее личико опухло от слез. Она поставила поднос на стол, выплеснув при этом из чашек довольно много ароматной жидкости, и склонилась к уху дяди.

– Ты меня разоришь! – с чувством сказал он, доставая мятую ассигнацию. Потом спохватился, узрев в ней российские десять тысяч, достал зеленую банкноту.

– Моя племянница, – сказал он, глядя ей вслед. – Впрочем, я уже вам о ней говорил.

Я кивнул, взял приличия ради чашку, в которой не было почти ничего, кроме кофейной гущи.

– Что бы вы могли сказать о связях Салуцкого? – спросил я. – Про генерала и его помощника я уже слыхал. Быть может, он отмывал чужие деньги?

– Бабки, вы хотите сказать, – улыбнулся мне Савранский, снова сощурившись. – Приятно говорить с человеком, сохранившим, несмотря на профессию, остатки воспитания. Если бы вы сказали: бабки, я спохватился бы, взглянув на часы, и сослался на занятость. Видите ли, Александр... – он заглянул в какую-то бумажку, – Борисович, Салуцкий мертв, но жив его банк, имеющий какую-никакую репутацию в деловом мире. И подрывать ее дальше – не в моих правилах.

– Об этом никто не узнает, – сказал я, с трудом проглотив кофейную гущу.

– Не сомневаюсь, – ответил он. – Но я-то знаю.

– Вас никто не убьет, – заверил я. – Почему-то мне так кажется.

– Наверно, не за что? – пожал он плечами. – И потому я не держу телохранителей, как другие, если вы успели заметить.

– И все же я бы на вашем месте поостерегся. А каков оборот банка «Лютеция», хотя бы примерно, вы можете сказать? И на чем держится его благополучие?

Он развел руками.

– Сия тайна велика есть! – сказал он. – Откуда сегодня берутся большие деньги? Наркотики, оружие, редкоземельные металлы, которые дороже золота. Я делаю свои деньги на финансовых операциях. На чем их делают остальные, могу только догадываться. – И выразительно посмотрел на часы. Те немедленно отозвались бронзовым, исполненным речной свежести, звоном. Итого – три пополудни. Пора закругляться. И так отнял у занятого человека массу времени. Но я и ухом не повел, делая вид, что всецело занят своим кофе. Кстати, Борис Львович к своей чашке так и не притронулся.

– Еще один вопрос с вашего позволения, – сказал я. – Вы ведь очень любите детей, не так ли?

– Если вы о Сонечке, то это мой крест, – вздохнул он.

– Я о вашем сыне. – Это я показал свою осведомленность, почерпнутую из справки МУР, о банкире Савранском.

Он привычно сощурился, прежде чем ответить.

– А что вас, собственно, интересует?

– Ничего особенного. Это ведь не допрос. Это частная беседа, как и было обусловлено...

– Я все понял, – кивнул Савранский. – Марк призывного возраста. И мне, как отцу, не безразлично, где и как ему придется служить. Вы это хотели услышать?

– А как же институт? – удивился я.

– Вам хорошо, у вас девочка, в армии не служить.

Савранский озадачил меня: откуда такая осведомленность? А он продолжал жаловаться на сына:

– Этот шалопай бросил институт, решил заняться журналистикой. Вернее, влюбился в одну девочку, которая учится на журналистском факультете. Она его благословила. И еще сказала, что когда он попадет в Чечню, то должен ей оттуда присылать свои материалы – очерки, наблюдения... Как вы думаете, Александр Борисович, жизнь собственного ребенка стоит миллион долларов?

– Безусловно, – сказал я. – Особенно когда этот миллион есть.

– Сейчас вы мне скажете, что за него пойдут служить другие! – раздраженно воскликнул он. – У тех других есть свои родители, скажу я вам. И если все помалкивают, глядя на то, что там творится, – это не значит, что судьба моего сына для меня столь же безразлична!

– А как же сын генерала Тягунова? – спросил я. – Все-таки папа – замминистра. А парень в Чечне.

– Это настоящая семейная драма, – махнул рукой Борис Львович. – Даже не спрашивайте... Вы интеллигентный, порядочный человек, у вас работа такая, я все понимаю, но есть же предел. Я имею в виду изболевшееся отцовское сердце. Я неплохо знаю эту семью, уж поверьте, это достойные люди, хоть и в разводе, жена ночи не спит, плачет, не зная, где сын, что с ним. Ведь ни весточки не прислал, представляете? А как пропал, так бедные родители отчаялись, не знают, что и думать. Чеченцы, кстати, предлагали за выкуп его отдать. Но оказалось, речь шла совсем о другом парне.

– Однако это не мешает Геннадию Матвеевичу строить дачу, – заметил я.

– Да оставьте его в покое с этой дачей, – с досадой сказал банкир. – Он ее пальцем не коснулся. Строительство началось давно, когда с Пашей, сыном, все было в порядке, когда он учился здесь на высших курсах, был лучшим из лучших, за что ему дали капитана. Вот тогда у него с отцом и произошла размолвка. Тоже, как вы, стал укорять... Мол, офицерам жить негде, а ты хоромы возводишь. Семья должна быть на первом плане, вот чего мы никак не уразумеем. Семья – высшая ценность! А не родной коллектив, который вывел меня в люди. Отец говорит ему в шутку, конечно, у тебя жена вон какая, наверное, внуков будет полно. Куда я их вывезу? Вы не видели, кстати, бывшую уже супругу Паши Тягунова? Хотя бы на фотографии?

– Не пришлось как-то, – ответил я.

– А я, увидев ее впервые, потерял всякий интерес к журналам «Плейбой» и тому подобным!

– А раньше интересовались? – полюбопытствовал я.

– Ну я все-таки – мужчина, – расправил он плечи. – И еще кое-чего о себе понимаю. В наше время мы много чего с вами не посмотрели, много чего пропустили. Вот и приходится наверстывать.

Он поднялся из-за стола и проводил меня до двери.

– Всегда к вашим услугам, – он учтиво склонил голову. Я снова ощутил его потное рукопожатие. – По любому вопросу... – И прижал руки к сердцу.

11

Пресс-секретарь вице-премьера Федор Земляков был обаятелен и лучезарен. Женщины-журналистки окружили его и не отпускали, продолжая задавать вопросы уже не по существу. После надутых и чрезвычайно серьезных по отношению к себе и своей миссии чиновников правительства новый пресс-секретарь был просто душка. Он еще моргал и вздрагивал от вспышек блицев, терялся, когда пригожие девицы с блокнотами и диктофонами нахально расспрашивали его о личной жизни и прежнем месте работы.

Женат, двое детей, очаровательные такие девочки, а работал в комсомольском аппарате, потом в органах... Нет, в газете никогда не работал. И в кино никогда не снимался, несмотря на предложения модных режиссеров. Предпочитает шатенок. Но если блондинка окажется на высоте... Он смущенно улыбался, а журналистки, среди которых блондинок было большинство, радостно смеялись.

Такой молодой и непосредственный – просто прелесть!

Пресс-секретарь так и вышел из «Белого дома» в их окружении. Они проводили его до самого автомобиля, продолжая спрашивать уже Бог знает о чем.

Возле машины он повернулся к ним лицом, спиной – к гостинице «Мир». В перекрестье прицела была видна лишь верхняя часть его спины и головы, непокрытая, несмотря на непогоду, голова с модной стрижкой. Оставалось дожидаться, для верности, когда утихнет порыв ветра.

В том, что его продержат, задавая вопросы, еще пару минут, снайпер не сомневался. Он затаил дыхание, плавно подвел спусковой крючок винтовки к той грани, которая отделяет бытие от небытия.

Потом так же плавно дождал крючок до конца. Приклад знакомо толкнул в плечо. Перекрестье, как обычно, чуть дернулось вверх, а цель, как всегда, медленно осела, исчезая из поля зрения.

Окружающие сначала не поняли, что произошло. У кого-то нашелся нашатырь, кто-то стал растирать ему виски, приговаривая: «Ну как девица на своем первом балу. Достали мы его, девоньки...» И тут же кто-то вскрикнул, увидев кровь на пальцах, когда убитого попытались приподнять.

Так или примерно так увиделась мне картина происшедшего.

Пуля, как и в случае с банкиром Салуцким, вошла под основание черепа. При этом жертва не успевает даже почувствовать боли, ее лицо остается спокойным. Как будто человек теряет сознание. И его даже какое-то время пытаются привести в чувство. На этом стрелявший выигрывает несколько драгоценных минут.

Хотя, возможно, это мои домыслы, и не более того.

Как и в случае с Салуцким, выстрел был произведен издалека и вряд ли его кто слышал.

Да, я был уверен, что стрелял тот же киллер. Понятно, что следовало бы дожидаться результата баллистической экспертизы. Допросить всех, кто что-то видел или слышал. Но я с некоторых пор больше доверяю своей интуиции.

Раз за разом я просматривал видеоролики, снятые на месте убийства. Снимали, конечно, с другой целью. Три камеры работали на свои программы. Теперь они работали на меня.

Когда я сказал Косте Меркулову о своей догадке, он первым делом задался вопросом: а что эти жертвы связывает? На первый взгляд – ничего.

– Учти, – сказал я ему. – Пока эти связи не обнаружатся, будут новые убийства.

– Типун тебе на язык! – рявкнул Меркулов. – Значит, берешься?

– Один я не справлюсь.

– Считай, что Грязнов с его МУРом у тебя, – кивнул Меркулов, что-то записывая. – С его министром я договорюсь.

– Они там в МВД за Славу с некоторых пор держатся. Как неверная жена за рога разбогатевшего супруга, – сказал я.

– Общественный резонанс, – развел он руками. – Министры тоже смотрят телевизор. Их референты и советники, полагаю, раз за разом. И каждый представляет себя на месте убитого. Так что Слава уже в твоей команде. Еще кто тебе нужен?

– Следователь Коля Могилинец, он постоянный член моей следственной группы. Да и, пожалуй, ты, – сказал я. – И еще бы парочку таких, как ты. Работы хватит всем.

– Насчет Могилинца договорились, он у тебя. А я и так у тебя в кармане, – кивнул он, снова что-то записывая. – С некоторых пор. Хотя из кабинета почти не выхожу. Все?

– Есть в городской с месячным стажем службы Фрязин Володя. Он начинал дело об убийстве банкира Салуцкого. Смысленный малый, но нуждается в чутком руководстве. Я беру его в свою группу. Пока достаточно... Ну и бюро судмедэкспертизы и криминалистическая лаборатория – само собой. Чтобы мои задания выполнялись по первому требованию. Бросали все и занимались только моими материалами. Для начала мне завтра же нужно заключение баллистической экспертизы. И пусть сравнят баллистику по всем похожим случаям. Не исключаю, что это одна винтовка, один стрелок.

– В гостинице был? – спросил Меркулов.

– Пока нет. Там работают дежурный следователь и муровцы Грязнова. Я обещал прийти к окончанию осмотра.

– И рукой мастера сделать завершающий штрих, – кивнул Костя, продолжая что-то записывать. – Отклоняешься ты от предписаний процессуального закона: следователь должен производить осмотр места происшествия по своему делу.

– Это ты верно сказал. А что ты там все время пишешь? – поинтересовался я. – Память подводит?

– Поедем вместе, – оторвался он наконец от своей писанины. – Я помогу тебе в беседе с людьми из «конторы». «Большой брат» непременно сунет свой нос в это дело.

Через полчаса мы уже входили в здание гостиницы «Мир». Врио начальника МУРа Грязнов был уже там. С озабоченным видом препирался с каким-то плечистым штатским. Наверняка из службы охраны президента. Наверное, те уже выявили тенденцию – сначала поубивают пресс-секретарей, а потом окажется в опасности объект их охраны.

– Никто из персонала ни черта не видел, не слышал, – сказал Слава Грязнов после того, как Костя представился присутствующим. Да, собственно, он был в генеральской форме госсюветника юстиции второго класса. За версту видно: большой начальник!

– Покажи мне их, – сказал я Славе. – Можно где-нибудь переговорить, чтобы посторонние не совали свои длинные носы в нашу работу?

– Александр Борисович Турецкий! – торжественно провозгласил и одновременно представил меня Костя в ответ на недоумение представителей «конторы», вызванное моей наглостью. – Тот самый, да-да, вы не ошиблись...

В свою очередь мужики из ФСБ представились, назвали свои фамилии и должности.

После этого вопросов уже не возникало. Ребята с Лубянки пусть с неохотой, но отдали мне на растерзание портье, дежурившего в тот вечер, а также дежурных по этажам, начиная с пятого. Хотя, на мой взгляд, выстрелить вполне могли и со второго.

– А швейцар? – спросил я. – Кто-то же стоял у вас в дверях в тот день.

– Он болен, – сказала одна из дежурных. – Сидит дома с температурой.

– Тогда вы мне тоже не нужны, – сказал я. – Вас допросит мой помощник Фрязин. Конечно, вы ничего не видели, я ничуть не сомневаюсь... Ведь в это время шли сериалы, не так ли? А киллеры их не смотрят. Профессия не позволяет. А вот вы, – я указал на портье,

немолодого уже человека, сохранившего выправку и достоинство во всем своем облике, – вы мне нужны. Вас я допрошу сам. Подождите меня там, – я махнул рукой в сторону лифта.

Потом обратился к парням из ФСБ, как меньший брат к «братьям старшим». Хотя, с чего вдруг они старшие? С тех пор как убрали памятник «основателю», заслонявшему им вид на окружающий мир, они, вопреки законам оптики, не стали видеть лучше.

– У меня и к вам будет парочка вопросов... – обратился я к старшему из них, генерал-майору Черкасову.

Он молча указал в сторону двери за спиной дежурного администратора, где чекисты разбили свой временный штаб.

В этой небольшой комнатке сидели молодые люди в штатском. Встретили они меня довольно дружелюбно.

– Преступник стрелял, когда уже было достаточно темно, – сказал я. – Как по-вашему, он воспользовался инфракрасным прицелом? Я почему спрашиваю – на мой взгляд, вещь весьма громоздкая, чтобы оставаться незамеченной, когда ее тащишь в лифт или по лестнице.

– В этом не было необходимости, – сказал генерал-майор Черкасов. – Убитого окружали телеоператоры, их переносные юпитеры освещали его со всех сторон.

– Все так, – согласился я. – Но ведь стрелявший поджидал жертву. Он не мог знать, что увлеченные дамочки кинутся со своими камерами сопровождать его до самой машины. Во всяком случае, на его месте я на это не стал бы рассчитывать.

Чекисты переглянулись. Похоже, им не пришло это в голову. Ночной прицел – вещь довольно громоздкая. Плюс винтовка, пусть даже разобранный. В чемодане, конечно, можно уместить. Но больно тяжел такой чемодан. Под его тяжестью можно изогнуться. А это всем будет заметно.

Вот если носильщик понесет, то в гостинице такого класса он будет незаметен, даже под тяжестью нескольких чемоданов. На него не обратят внимания. Но вряд ли ему доверят нести такую поклажу. Он же вполне может запомнить господина, доверившего ему эту ношу. Значит, киллеру пришлось тащить самому. Значит, он был очень сильным человеком, если удалось не показать вида, как тяжело нести...

Так или примерно так рассуждал я, спрашивая о ночном прицеле.

– Пока что это все мои домыслы, – сказал я. – Но мне хотелось бы знать, сколько весит такая винтовка, предположительно Драгунова, с таким прицелом плюс глушитель?

– Если наша конструкция, то довольно много, – сказал Черкасов. – Если западногерманская, – он до сих пор не мог привыкнуть, что нет уже двух Германий, – то намного меньше.

– Остановимся на нашей, – сказал я. – Вы сами понесли бы этот чемодан или отдали носильщику? Учтите при этом, что вы – лощеный господин, не носивший ничего тяжелее «дипломата» с ценными бумагами. Такова ваша роль.

Парни из ФСБ смотрели мне в рот. Обучали их, ясное дело, другому. И получше, чем нас. И на свою беду, они были отличниками боевой и политической подготовки. Поэтому искусство перевоплощения для них было недостижимо. И потому представить себя кем-то другим было выше их возможностей.

– Благодарю, – сказал я, чуть поклонившись. – Если позволите, я хотел бы переговорить с портье гостиницы.

И вышел из комнаты, чувствуя, как они смотрят вслед. Очень полезно произвести впечатление на этих ребят. В другой раз пригодится, когда снова столкнемся нос к носу.

С портье, фамилия его была Бычков, мы вошли в кабину лифта. Всем другим было предложено воспользоваться другим лифтом. Или, на худой конец, лестницей.

– Вы не заметили господина, хорошо одетого и потому мало чем отличающегося от прочих ваших гостей, несшего довольно тяжелый чемодан? – спросил я.

– Не припомню, – пожал он плечами. – Такой бы бросился в глаза.

– Вот именно, – сказал я.

Судя по углу пулевого отверстия, выстрел мог быть произведен, начиная с пятого этажа. С него мы и начали.

Дежурная по этому этажу шла впереди нас, открывая номера с окнами на «Белый дом». Почти все комнаты были пусты. Кто здесь живет, спрашивал я, давно ли въехал.

Я понимал, что зря трачу время. Убийца вполне мог открыть отмычкой любой из номеров, точно зная, что хозяин будет отсутствовать. Скажем, спустился в ресторан. Или, скорее всего, проследит, как тот уедет к валютной проститутке. На ночь.

Но кто в этом добровольно признается? Клиент – никогда. А вот путана – вполне. Особенно если хорошо попросить.

Можно, конечно, стрелять в торце этажа, с балкона, но это опасно. Могут заметить, несмотря на прикованность к сериалу, хотя бы во время показа рекламы.

Из номера – самое милое дело. Лично я бы стрелял именно с пятого этажа. Так ближе, так виднее. Прицел действительно можно сменить на обыкновенный, оптический, едва заметив, кто сопровождает объект, со всеми телекамерами, юпитерами и фотовспышками. Для профессионала операция по смене прицела – секунды. И пока бедный малый красовался возле своей машины, отвечая на вопросы обступивших журналисток, вполне можно было все успеть.

Итак, картина ясна. Дежурная и горничные смотрят «Санта-Барбару», хозяин номера снимает на ночь проститутку и уезжает к ней, дабы не засветиться, убийца все это видит, он давно все просчитал, включая время пресс-конференции, и поскольку все, так или иначе, шло по его плану, очутился в комфортном номере гостиницы и стал дожидаться выхода объекта из «Белого дома».

Еще он должен был знать, где находится машина с водителем в ожидании патрона. Значит, давно за ним следит? Как давно? Сколько дней или недель?

И еще – имеется ли в этом случае последовательность убийств? И кто следующий? Кстати, чем больше «следующих», тем яснее становится закономерность.

Вопросов уйма! Ответов пока нет. Одни предположения и догадки. А вдруг все не так? Интуиция интуицией, а факты фактами. Против них не попрешь.

Так рассуждал я, поднимаясь вместе с портье с этажа на этаж. И понимая, что только зря теряю время. Если убийца собирался уйти незамеченным, то ему нужна была дорога до выхода как можно короче.

Кончится сериал, все придет в движение, будут хлопать двери, выглядывать люди...

– Какой сериал вы смотрели в тот вечер? – спросил я у дежурной восьмого этажа. – Ну самый интересный, который всегда обсуждаете?

Она застенчиво улыбнулась, почувствовав в моем вопросе некую снисходительность.

– «Новая жертва».

– А не «Санта-Барбара»? – удивился я.

– «Санта-Барбара» начинается полдевятого, – продолжала она смущенно улыбаться, – а «Новая жертва» заканчивается в начале восьмого. Вас ведь это интересует?

Прокол. Это называется проколом, Александр Борисович! Ну конечно, все произошло именно около семи вечера. Надо было не полениться и заглянуть в программу передач, как это сделал убийца.

Итак, у него оставалось не больше пяти минут после того, как он сделал выстрел. Ахи и охи на месте гибели пресс-атташе начались на три минуты позже. Значит, у него было примерно восемь минут.

Быстро идущего человека с чемоданом все заметят, даже если не все его надолго запомнят. К тому же лифты могут быть заняты. Все начнут спускаться вниз, на ужин. И тесниться с ними вместе – никакого резона.

Итак, это произошло все-таки на пятом этаже, тут надо отдать должное «старшим братьям». С пятого за восемь минут вполне можно успеть спуститься.

– Вы сами-то смотрите эти сериалы? – спросил я Бычкова, вспомнив громадный телевизор в вестибюле, такой же видел и у Горюнова.

– Так, одним глазом, – сказал он. – Народ собирается, смотрит, мне не все видно, но, в общем, я в курсе событий.

– Значит, могли пропустить... – вздохнул я.

Мы спускались на нижний этаж. Кабина бесшумно скользила вниз. Я посмотрел на часы. Три-четыре минуты, не больше. Потом можно не торопясь выйти.

– Но если бы кто-то выходил с чемоданом...

– Я бы заметил, – прервал он меня.

Я посмотрел ему в глаза. Не факт, конечно, но похоже на то – заметил бы.

– А если бы чемодан нес ваш сотрудник?

Тут Бычков замаялся. Тоже понятно. Замечается лишь то, что выпадает из стереотипа. Носильщик, бой, несущий чемодан за гостем, – вполне обыденная картина.

– Разве тот, кто уходит с вещами, не должен подойти к вашей стойке? – спросил я на всякий случай.

– Не обязан, – ответил он.

Верно. В советских гостиницах, я имею в виду прошлые времена, такой гость не сделал бы и шага к выходу. Его бы остановили бдительные администраторы со швейцаром.

А тут – гуляй, ребята! Иди куда хошь, носи что хошь. Полное доверие к клиенту. Тем паче – иностранному. А таких здесь большинство.

Зайдя за стойку, я записал показания Бычкова.

Внизу меня ждал сюрприз. Только что я вспомнил о помощнике министра Горюнове, а он тут как тут. Вернее, я вспомнил о его громадном телевизоре. А он объявился сам. Будто я послал ему телепатический сигнал.

– Что-нибудь случилось? – спросил я, поздоровавшись.

– Какой ужас, – вздохнул он. Глаза его блуждали, как если бы несчастье произошло при нем и только что. – Он тоже был моим знакомым, – выпалил он, – как и Салуцкий!

Я с интересом посмотрел на него. Похоже, он начинал мандражировать. Когда я познакомился с ним впервые, он показался мне более самоуверенным и хладнокровным при всей своей раскованности.

Сейчас от всего этого не осталось и следа. Похоже, он прибежал ко мне искать защиты. Похоже, он тоже стал задумываться над роковым вопросом: кто следующий?

12

Володя Фрязин уже третий раз за этот день сходил с поезда, прибывавшего в Москву с юга. Он совсем не верил в эту затею.

Возможно, бабке хорошо и так, без съемщиков. Денег за лето собрала со своих жильцов столько, что уже не знает, куда их девать. Хотя денег никогда не бывает много – эту истину Володя знал. Не сегодня завтра – бабка должна появиться.

Володя садился в поезд обычно в Подольске, доезжал до Москвы, кряхтел под тяжестью чемоданов, проклиная изобретательность великого сыщика нашего времени Грязнова, искал взглядом ту, что могла быть искомой хозяйкой, заявлял сдававшим площадь, что ему нужно Садовое кольцо, непременно возле института Склифосовского, но все впустую. Все чаще стали попадаться те, кто начал его узнавать и по этому поводу перешептываться, подталкивая друг друга локтями. И в самом деле – похоже на наваждение. Недавно сошел с симферопольского поезда – и на тебе: не прошло и трех часов, а он уже сходит с сочинского. Крыша поедет у кого хочешь.

Того и гляди вызовут милицию или – еще хуже – санитаров.

Он плюнул и решил никуда не уезжать. Решил послоняться, посмотреть, а вещи пока сдать в камеру хранения.

Так и сделал, ходил, смотрел, прикидывал. Квартиру ему уже не предлагали, и то хорошо. Посмотрим, кто и как будет предлагать другим.

Хозяйку он увидел и угадал, едва она, запыхавшаяся, объявилась на перроне, когда ожидалось прибытие поезда из Ростова.

По-видимому, она очень спешила.

– Марья Авксентьевна! – затараторили обступившие ее товарки. – Тут тебя один мужчина спрашивал!

– Какой еще мужчина? – спросила она, едва отдышавшись.

– Так три раза, считай, с поезда сходил и спрашивал. Не тебя лично, а квартиру ему на Садовом подавай. И чтоб возле Склифосовского. Не ты, что ли?

– Не знаю я никакого мужчины! – разволновалась старушка. – Кто там меня ищет, ничего не знаю. У нас вон банкира какого-то застрелили среди бела дня вечером, а соседки говорят, будто меня искали. А я там сроду почти не живу. У меня это... алиби полное.

Володя прохаживался сзади, слушал, сгорая со стыда. Вон как со стороны это выглядит. Черт знает что такое... Теперь не знаешь, как к ней и подойти. Высмеют. Три раза с поезда сходил! И все с разных... Впредь – наука. Бабы народ наблюдательный. Ведь знал это всегда. И все равно – прокалывался, и не раз. Особенно в личной жизни...

– Да вот же он! – воскликнула одна из них, заметив Володю. – Вон до сих пор ждет, а подойти стесняется.

Делать нечего. Володя приблизился к старушке.

– Вы можете сдать мне квартиру на Садовом, возле Склифа?

Дался ему этот Склиф! – сказал бы посторонний наблюдатель. Положение идиотское, что и говорить. Но делать было нечего.

– Вы ведь Бодунова Марья Авксентьевна?

– Ну я, – ответила Марья Авксентьевна. – Только я раньше прийти никак не могла. У меня сестра заболела. Пока в магазин, в аптеку сбегала. А все знаете как нынче дорого! Вот и пришлось снова на ночь глядя сюда тащиться. А сколько беру, знаете? Все-таки самый центр.

– Договоримся, – кивнул Володя. Он никак не мог прийти в себя после свалившейся удачи. Главное – сама рассказала про убитого Салуцкого, избавив его от расспросов. Теперь поскорее бы отсюда...

И только когда отошли, уже возле стоянки такси, подумал, что лишил старушку заработка. Ведь ей жилец нужен, а не вопросы про случившееся.

– Сами-то на сколько? – спросила она.

– На неделю, – проямлил он.

– Не, милый, зря ждал, я меньше чем на две недели жильцов не беру, – остановилась она.

Ну слава Богу, подумал он, значит, еще найдет себе постояльца.

– Тогда у меня к вам будут вопросы, – сказал он вполголоса.

– Это про что? Насчет налогов, что ли? Я все до копеечки выплатила, мне как пенсионерке льгота вышла.

– Я из прокуратуры, – вздохнул Володя. – И не сердитесь, просто не знал, как вас найти. И не пугайтесь, пожалуйста. Только несколько вопросов о вашем жильце... Может, отойдем, а то народу много. Не бойтесь, я вас в отделение не отведу.

– А чего мне бояться? Я все заплатила – за газ, за электричество. И налоги. Мне чего бояться?

– Правильно, вам совершенно нечего бояться, – подтвердил он. – И я совсем про другое хочу вас спросить.

– Из прокуратуры? – недоверчиво переспросила она.

Володя показал ей удостоверение. Близоруко шурясь, она посмотрела на фотографию.

– Все равно без очков ничего не вижу. Только я в этот день, когда банкира убивали, на даче сидела. У меня свидетели есть. Все как один говорили: не бойсь, Авксентьевна, под присягой покажем!

– Да вас никто не подозревает в убийстве, – не выдержал отчаявшийся Володя. Он даже повысил голос, и на них стали оглядываться.

– Так чего тогда нужно, не пойму, – притихла старушка.

– Ну наконец-то. Вы можете описать жильца, который съехал от вас в тот день?

– Да он мухи не обидит, – махнула она рукой. – Вам и соседи скажут. И мне передавали. Ведет, мол, себя тихо, женщин не водит, шуму от него никакого, одна только вежливость при встрече.

– Замечательно, Мария Авксентьевна! Но как он хоть выглядел?

– А зачем я буду тебе на хорошего человека напраслину возводить? – твердила она свое.

– Конечно, хороший, – прижал руки к груди Фрязин. – Никто и не сомневается. Ищем мы его как свидетеля этого преступления, понимаете? А найти никак не можем. А он, есть основания так думать, все это видел.

– Ну да, – понимающе кивнула старушка. – Я вот скажу вам, какой он, а он после ко мне больше не приедет. Где ж я такого еще найду, как этот? Он раньше времени съезжал, хоть и предупредил заранее. Предупредил, а все равно мне пришлось бы новых жильцов искать. Так он мне за оставшиеся две недели все оплатил! Ну где я такого еще найду?

– А разве вы не берете вперед? – спросил Володя, чувствуя, будто легкое дуновение пошевелило его волосы – признак удачи, на которую он уже перестал надеяться. Жилец съехал раньше. Но ведь и Салуцкий вернулся из командировки в Голландию на десять дней раньше. Он знал это точно. Значит, сидел у этой бабки, напротив банка, вел себя тихо, а сам ждал приезда банкира? Не факт, как говорит Александр Борисович, опять нечто косвенное, но все же, все же...

– Вперед я беру всегда, – поджала она губы. – А тут он еще на три недели попросился.

Верно, верно, Салуцкий дал телефакс, что задержится еще на пару недель. А сам приехал раньше... И все равно – не факт.

– Жилец хороший, сказал, что будет часто наезжать. И договорились: мол, потом заплатит. С деньгами у него было туго. Командированный, чего с него взять-то?

– А он и пропал, – снова соврал Володя. – Ищем как свидетеля, дома жена волнуется, на работе тоже. Приходится искать.

– А разве вам жена про него ничего не рассказала? – сощурилась старуха. – Ей-то лучше знать. Я-то, как и звать его, не помню.

Прокол за проколом, в отчаянии думал Володя. Заврался, теперь выкручивайся. Старуха сечет такие вещи сразу. Ее бы к нам в следственную часть прокуратуры России.

– Она должна прислать его словесный портрет в письменной форме, – сказал Володя. – Но почта, сами знаете, как сейчас работает.

– Да-к... – вздохнула старуха и собралась поведать историю о плохой работе почты с моралью насчет теперешней жизни, но Володя вовремя ее прервал.

– Помогите! – воскликнул он. – Человек пропал! Каждая минута дорога. Может, его похитили, может, лежит где-нибудь израненный.

– А я и не помню, какой он на вид, – вздохнула она. – Много их у меня было. Только и помню, что никого не водил, а заплатил сразу.

– Да хоть какого он роста? – спросил Фрязин.

– Повыше тебя будет, – ответила она, окидывая его взглядом.

– В очках?

– Чего не видела, того не видела. Исхудалый такой. Будто из больницы только что. Хотя и загорелый. Я уж ему с дачи творожку привозила, сметанки. У соседки корова своя. Так до копеечки заплатил, не торговался.

– Чем он хоть занимался, может, знаете? – приуныл Володя.

– А ничем. Все ходил где-то, возвращался когда как. Сама-то не видела, мне соседка моя, сколько я ей ни звонила, всегда докладывала: твой дома сидит. Не слышно и не видно. Вот у ней бы и спросили.

И то... – подумал Фрязин, холодея при мысли, сколько было зря потеряно времени, а полноценный свидетель, много знавшая соседка, сидела дома.

А за это время был точно так же застрелен еще один человек.

В столице каждый день убивают. Но столь профессионально – большая редкость. Войдет в историю криминалистики этот выстрел, произведенный через улицу, поверх машин и пешеходов.

Вот Турецкий уверен: оба убийства совершил один и тот же Вильгельм Телль. Такие стрелки – штучный товар.

– Она живет в квартире напротив? – спросил Фрязин, посмотрев на часы.

– Напротив Райка живет. Туда даже не суйся. Она на меня уже в милицию жаловалась. Этот, про которого все время спрашиваешь, уж на что тихий был, а все равно участкового она на него напустила. Он-то ничо мужик, участковый наш. Пришел, документы поглядел, а уж о чем они после говорили, я знать не знаю.

И снова поджала губы.

– Так... – произнес Володя, боясь поверить такой удаче. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. – Вы ничего не путаете? К нему приходил милиционер и смотрел его документы? Что ж вы сразу не сказали?

– А ты не спрашивал. Ну так не нужна квартира-то? А то я симферопольский уже пропустила. Я бы и на неделю отдала... Ой, заболталась я с тобой, а сейчас ростовский прибудет!

И, махнув рукой, потрусил в сторону перрона, ворча что-то под нос.

Ничего себе, сказал я себе... вспомнил Фрязин присказку Турецкого. Значит, воспроизводим контуры данного случая. Киллер, прежде чем отправиться на мокрое дело, сначала засветился перед участковым милиционером. Показал ему свои документы! Потом, согласно версии Турецкого, замочил еще одного – аж пресс-секретаря вице-премьера... И это пре-

красно зная, что его ищут! А он, Фрязин, которого пожалеть некому, как последний идиот трижды мотался на электричке в Подольск, где по требованию высокого начальства притормаживали южные поезда на Москву, чтобы потом эти старушенции на перроне показывали на него пальцем, как на тихо помешанного, сбежавшего из дурдома.

Только спокойно. Отрицательный результат, как и провалившаяся версия, – тоже результат (формула самоуспокоения для неудачников).

Конечно, прежде чем плюнуть и растереть, следует поговорить с милиционером и соседками. Для очистки следовательской совести. И поставить на этом дисциплинированном постояльце жирную точку. Но только завтра.

Сегодня уже нет никаких сил.

13

Генерала Тягунова Сережа увидел впервые, когда тот приехал к ним в полк с инспекторской проверкой от Генштаба. Полковник Романов, он же «батя» смотрел на своего писаря умоляющими глазами.

«Придумай что-нибудь!» – уговаривала Сережу молодая жена «бати», бывшая официантка столовой Надя, забегавшая к Сереже всякий раз, когда супруг отъезжал в штаб дивизии, что за сорок километров от части. Она прижималась к нему горячим телом, заглядывала в глаза. В полумраке каморки, где обитал Сережа, пахло старыми бумагами. Стены были оклеены вырезками из журналов с томными обнаженными красавицами – репродукции старых мастеров.

Сквозь закрытые окна с плотными шторами доносился хруст снега с полкового плаца, который чистили солдаты первого года службы.

Сережа не спешил с ответом.

– Проверка плановая, – сказал он. – Я о ней узнал раньше, чем был издан приказ. Чего уж так паниковать...

– Он до смерти боится пенсии, – шептала Надя, прижимаясь к нему еще теснее. – А я? Как представлю его... в пижаме. Или домино забивает... Бр-р. Раньше-то орел был! Как зыркнет, как рывкнет! Нет, я тогда лучше от него уйду.

Это как пить дать, подумал Сережа, чуть отодвигаясь. К зампотылу уйдет. И будет продолжать бегать ко мне.

Вообще спать с женой своего командира – явное нарушение воинской субординации. И потому Горюнов компенсировал подобные нарушения излишней предупредительностью к тем офицерам, которых украшал рогами. Перед «батей» после каждого акта прелюбодеяния с его молодой супругой Сережа тянулся навывтяжку, ел глазами (впрочем, весьма нахальными), отчего полковнику Романову становилось не по себе. И приходилось указывать подчиненному на чрезмерность чиноподчинения.

– Отменить ничего я не могу, – сказал он Наде. – Комиссия уже вылетела. Завернуть их обратно на Чкаловский – выше моих сил. Но я даже не хочу стараться! Пусть прилетают. Вопрос в другом – как их встретить? Вопрос вопросов – нужен ли мне твой муж в его нынешнем качестве? Ну отправят на пенсию, пришлют другого. Будет лучше? Словом, пока самолет летит, а это несколько часов с пересадками, надо переговорить с личным составом. Бывают ситуации, когда новая метла хуже облезлого старого веника. К тому же новая метла иногда начинает мести в ненужную сторону. И пока ей укажешь верное направление...

– Какой ты умный! – ластилась к нему полковничиха.

– Разбаловал я вас, – вздохнул Сережа, закуривая в постели.

– Это как же? – заглянула она ему в глаза, приподнявшись на локотке.

– А вы пользуетесь... Раньше меня все любили без холодильников и лобовых стекол. А теперь – сплошной бартер. Дашь на дашь. И еще таксу установили. Сделаешь мужу звездочку – две ночи. За квартиру в новом доме – хоть месяц... А другого оценить не можете – где офицерам дома строят, кроме как у нас? Или зарплату вовремя выдают? А все благодаря мне, моим связям.

– Благодетель ты наш, – в тон ему подпевала Надя. – Неужто не понимаем? Мужики – придурки, зато мы, бабы, стараемся, как можем отработываем. Ты здесь, Сереженька, как в малиннике! Гарем целый. А все недоволен.

– Чем тут будешь довольным, если мужья ваши того и гляди пристрелят. А чем им плохо? Кормежка в офицерской столовой – как в Кремле при развитом застое. Звания и награды – так и сыплются. Сами, чтобы переспать с женой друга, просят поставить его в

суточный наряд. И еще в претензии. А знаешь, чего мне стоит добиться нынешнего благополучия?

– Откуда? – вздохнула она. – Все только удивляются.

– Настоящий хозяин тот, кто владеет исчерпывающей информацией и связями, – не без самодовольства сказал Сережа. – На мне все здесь замкнуто, понимаешь?

– Где нам... – снова вздохнула она и стала собираться.

Он посмотрел на часы. Скоро вернется «батьа» из штаба дивизии.

Просил, поди, чтоб заступились перед комиссией. Стелил соломку, не зная точно, где споткнется и упадет. А надо, чтобы не упал вовсе.

В этом все дело...

Самолет с комиссией прилетел только вечером. Пока летели, пока их везли на вездеходах через снежные завалы по лесным дорогам, Сережа успел договориться кое с кем из офицеров о поддержке «бати». Пришлось кое-что пообещать.

Гостей уложили баиньки, постелив в лучших номерах здешней гостиницы, срочно отремонтированных к их приезду.

А утром, солнечным морозным утром, когда снег искрится, а темно-зеленая тайга буквально притягивает углубиться в ее заросли, членам комиссии предложили: пока, мол, расчищают дороги до огневого городка и танкодрома, не желаете ли поохотиться? На тех же кабанчиков, из коих после получается преаппетитный шашлычок.

Поскольку это предложение поступило еще до завтрака, то члены комиссии воспротивились не очень убедительно. Тем более что все уже было готово. Егеря были уже на месте, стояли на номерах, розвальни с лошадьми, единственный вид транспорта при здешних заносах, – под окнами, а ружья, которые приберегались для подобных мероприятий, уже были очищены от смазки.

Генерал Тягунов сурово посмотрел на полковника Романова. Он был наслышан про здешнюю охоту, про шашлыки из кабанятины и настойки на здешних травах и оленьих пантах. Коллеги, прилетавшие сюда ранее, только хвалили здешнее гостеприимство, умалчивая о боевой и политической подготовке.

Генерал видел, что прочие члены комиссии уже готовы идти на охоту. Полковник смотрит заискивающе, не желает, поди, на пенсию.

Страшно идти, по сегодняшним временам, на заслуженный отдых. Как будто проваливаешься в яму, из которой уже не выбраться. Все, кто прежде тянулся перед тобой, тебя уже не замечают. А то и норовят лягнуть при случае...

Черт с ним, пусть старается, пусть выслуживается. Посмотрим, как у него это получится. Но боевую и политическую проверим потом на все сто! И уж тогда – держись, если что не так!

На охоте всем распоряжался молодой парень в офицерском белом полушубке, ладно сидящем на его подтянутой фигуре. При нем рация, по которой он покрикивал на егерей и оцепление.

Все беспрекословно ему подчиняются, включая полковника Романова.

Члены комиссии с недоумением переглядывались: кто такой? Но, надо признать, мероприятие организовано безупречно. Все было предусмотрено, включая термосы с черным кофе и аппетитные бутерброды с салями, невесть как попавшей в здешнюю провинцию. В министерском буфете не видели ничего подобного.

Кабан выкатился, проваливаясь в глубоком снегу, прямо на номер, где стоял генерал Тягунов. Собаки заливались от злости. Прервав размышления, генерал вскинул карабин.

– Номер четвертый! – кричал по рации молодой, срывающийся голос. – На тебя бежит кабан! Уснул, что ли?

– Да погоди! – вскипел от негодования, смешанного с охотничьим азартом, генерал Тягунов. – Подпущу поближе...

Сережа Горюнов опустил бинокль и усмехнулся. Вот мы и на равных, мой генерал! Раз уж проглотил мое хамство, куда теперь денешься.

Проглотишь и все другое...

Генерал выстрелил. Перекрестие прицела дернулось вверх и в сторону, исчез из поля зрения черный загривок кабана, зарывшегося в снег после удара пули. Во вскинутые прицелы и бинокли видны были брызги крови на снегу. Ай да генерал!

И уже бегут к мертвому кабану со всех номеров подчиненные. Спешат отметить. Им уже не до лая собак, продолжающих гон.

А сам генерал смотрит не насмотрится на поверженного красавца. Давно он не переживал подобного волнения в крови. Вот что делают охотничьи забавы с сильным мужиком, вот что делают пробудившиеся первородные инстинкты!

Будто вернулась к нему острота ощущений забытой уже молодости.

– Прекрасный выстрел! – возбужденно говорят сбежавшиеся члены комиссии. – Поздравляем, Геннадий Матвеевич!

Но самого генерала сейчас больше интересует, что скажет этот молодчик в белом полублузке, перепопсанном офицерским ремнем.

– Куда? – кричит он на членов комиссии. – Куда, мать вашу так! Почему покинули номера? Вон другие кабаны и олени! На вас гонят! А ну на место!

Только сейчас все замечают – гон идет вовсю. И молча, беспрекословно, возвращаются на свои места. И трещат новые выстрелы, прерывая лай собак.

Тягунов с интересом посмотрел на этого молодца. Вон как покрикивает на старших офицеров. Кто он – штатский, простой егерь?

Но так ничего и не спросил о нем генерал. Он был признателен ему за то упоение, которое только что испытал. Хотя самое «упойтельное» было впереди.

Потом была сауна с переходом в русскую баню с веничками и обжигающим паром. И опять этот молодчик оказался на высоте.

Уж как он хлестал распаренные тела московских начальничков! Будто отыгрывался на них за всех подчиненных, кои когда-либо мечтали вот так «утюжить» своих отцов-командиров.

А те только блаженно охали и требовали наддать еще и еще, как женщина, которой повезло с любовником.

И опять вопрос: кто он такой? В бане – все принцы. Ни тебе погон, ни тебе документов. Все в форме Адама.

А интерес к личности молодчика нарастает...

После баньки, известное дело, пожалте к столу. Чем Бог послал. А на сегодня Бог послал много чего, все больше скоромного, что только в московских ресторанах и увидишь. А главное – разносили эту снедь пригожие молодки крутого замеса в соблазнительных халатиках, потяни за пояс – сами распахнутся.

И опять помалкивает строгий председатель комиссии, хотя понимает, к чему все идет. Сам распорядитель, как и все присутствующие, сидит распаренный, завернутый в простыню, угощает... А на столе-то, на столе! Куда там московским ресторациям! Дымящаяся кабанятина, недавно еще бегавшая и сейчас издающая такие ароматы. А уж здешние грибочки плюс мочености-солености-копчености... И все несут румяные молодки, коим уже запросто можно, после третьей-четвертой рюмашки, положить руку пониже талии.

Ну чего душе угодно – все есть!

Потом оказывается все, да не совсем. Ибо наш распорядитель уже достает откуда-то гитару, и проснувшийся захмелевший было старенький «батя» просит:

– Давай, Сережа, мою любимую! Знаете, как он поет? Ко мне в полк прибыл прямо из консерватории этой, а после прямо из аэропорта, когда дембель пришел, ко мне снова прибежал – не могу, говорит, жить без полка!

Гости переглянулись. Да уж настолько все набрались да расчувствовались, что больше вопросов по поводу статуса тамады ни у кого не возникало. Больше того, как запел он своим проникающим до самых печенок голосом: «Ой, мороз, мороз...» – многие прослезились, стали подпевать, а когда спел, полезли к нему целоваться-обниматься. Ну уважил так уважил!

Даже сам генерал Тягунов не удержался и выпил с Сережей на брудершафт. И другие члены высокой комиссии решили не отставать от начальства. Все потянулись к нему, расплескивая из своих рюмашек.

А Тягунов, которому Сережа уже как родной стал, начал показывать ему свои семейные фотографии, которые достал из бумажника.

Вот это его сын, только что закончил училище, лучший курсант. А это его молодая жена, только что поженились, на сочинском пляже, куда ездили отдыхать. Генерал жалуется:

– Ведь все дороги открыты! Нет, не хочет служить при мне, ни в какую. Желает, как его дед, армейскую лямку тянуть. Романтику ему подавай. И невестка эта... Фотомодель. Капризная, своенравная и тоже строптивая, не приведи Бог.

– А давай их ко мне! – говорит пьяненький «батя», обняв генерала за плечи. – Тут этой романтики, не говоря уж об экологии, – хоть жопой ешь! Как, Сережа, сделаем?

И опять переглядываются гости. Всесильный он, что ли, этот Сережа?

А он тем временем разглядывает невестку генерала на фото. В одном купальнике, стройная, улыбающаяся.

Едва оторвался, так засмотрелся.

– А... Да можно. Сделаем. В лучшем виде их примем...

14

Все рассыпалось на глазах. Когда мне принесли акты баллистических экспертиз, я готов был провалиться сквозь пол на глазах Славы Грязнова. Ничего похожего. То есть там и там винтовка Драгунова. И схожий почерк убийства. Но сами винтовки, из которых произведены выстрелы, – разные.

Это что же – ждать, пока снова кого-то убьют подобным образом, чтобы выявить некую закономерность? Нужно впрягаться в трудоемкую работу. Оба потерпевших были знакомы с Сергеем Горюновым. Весьма интересная деталь, но туманная. Следует прояснить ее, выяснить: отчего такое совпадение?

А тут еще прибежал Фрязин с последними новостями с перрона Курского вокзала. Оказывается, подозреваемый, то есть жилец Марии Авксентьевны, за день до убийства Салуцкого мирно беседовал с участковым милиционером и даже предъявил ему свои документы.

Хоть стой, хоть падай... Во-первых, Александр Борисович, спросим себя, любимого, отчего мы с маниакальной последовательностью, переходящей в шизофреническое упорство, числим этого дяденьку в подозреваемых? Чем он перед нами провинился? Что у нас есть на него, кроме пресловутой, хотя и знаменитой, интуиции?

Я старался не смотреть в глаза Славе. А он мне как мог сочувствовал.

– Может, допросить Горюнова? – спросил Слава. – У него вид, как будто он следующий. И не знает, где спрятаться.

– От него не спрячешься, – угрюмо сказал я. – В толпе, среди оравы телохранителей киллер его увидит и пристрелит с колокольни Ивана Великого. Неужели непонятно?

Грязнов пытливо посмотрел на меня.

– Означает ли сие, что всех предполагаемых потерпевших следует передать под опеку президента? – усмехнулся Грязнов.

– Это означает лишь то, что следует по-быстрому переговорить с Костей Меркуловым, – пожал я плечами. – Подумать, в каком направлении вести следствие. Пусть болит голова у нашего руководства.

– Так что мне делать? – спросил бедный Володя, не вовремя высунувшийся со своими новостями насчет участкового. – Продолжать поиски свидетелей? Сделать фоторобот этого подозреваемого, жильца то есть?

– Именно так, – сказал я.

– Мы не можем сидеть сложа руки и ждать, пока начальство решит, в каком направлении продолжать следствие, как жить нам дальше, – назидательно произнес Слава.

– Зачем ждать? – Я открыл сейф. Там как раз такого случая дожидалась нераспечатанная бутылка коньяка.

Слава, ясное дело, оживился. Володя, напротив, затуманился, как красная девица.

– Ты же не пьешь? – спросил его Слава. – Тем более на работе. Так что не жди, не стой в ожидании, пока твой начальник надерется, чтобы составить на него компромат. Иди и составляй фоторобот этого жильца по показаниям свидетелей. А когда протрезвеем, покажешь, что у тебя получилось.

Володя посмотрел на меня, индифферентного, и вышел.

Мы молча разлили по стаканам и выпили. Потом замерли в блаженном ожидании, пока тепло растечется по жилам.

– Может, пощупать Горюнова? – спросил Слава. – Должны быть у него какие-то подозрения насчет убийцы. Малый явно перетрухал, хоть и помощник замминистра обороны. Убили парочку его приятелей. Общественность замерла в ожидании – кто следующий? И

при всем этом все смотрят на него. Следующий – именно он. В таких условиях люди сообщают куда шустрее, чем обычно.

– Более трех минут я его не выношу, – сказал я.

– Стареем! – объяснил Слава и снова налил в стаканы. – Становимся нетерпимы к потенциальным жертвам.

– Да кому он нужен... – отмахнулся я.

– Плохо дело, – покачал головой Грязнов. – Раздражаемся. Озлобляемся. А я бы, кстати, не спешил отметать эту версию. Ой, не спешил бы.

– Что-то непонятное, – вздохнул я. – Стреляет как профессионал высшей пробы, а ведет себя непредсказуемо, как новичок. Если верна эта версия.

– И это означает... – поднял Слава указательный палец. – Что?

Мы переглянулись.

– Что его специально не готовили, – сказал я. – Просто очень хороший стрелок. И только.

– Значит, инструктировать его было некому, – добавил Слава.

– Одинокий волк? – спросил я.

Мы уже не отрываясь смотрели друг на друга.

– Черт его знает! Словом, не киллер в прямом смысле этого слова. Тот бы себя так не повел, – заключил Слава. – Ну, еще по одной?

– Потолкуй с Горюновым, – сказал я, после того как мы выпили. – Что-то там не так. Прибежал ко мне искать защиты, представляешь? Хотя его шеф мог бы выделить ему в охрану целый батальон спецназа.

– Есть чем гордиться, – хмыкнул Слава. – Значит, до сих пор производим впечатление, пусть даже обманчивое.

В это время зазвонил телефон. Я мельком взглянул на себя в зеркало, машинально поправил то, что называю прической, как если бы абонент мог меня увидеть, и только после этого снял трубку. Не дай Бог, Костя Меркулов! Как всегда не вовремя...

Но это был не он. Это был давешний портье из гостиницы «Мир» по фамилии Бычков.

– Я кое-что вспомнил, – сказал он. – Может, это и пустяк... Но вы сами сказали, чтобы я вспомнил все, что покажется странным.

– Ну-ну, – сказал я, подмигнув Славе. Мол, еще один чайник на проводе.

– Знаете, все спешили, метались, переговаривались, когда это произошло. А один человек... кстати, я его больше не видел, вел себя не как все.

– А в чем это выражалось? – поинтересовался я. – Может, он был просто пьян?

– Пьяных я вижу сразу, – сказал Бычков. – Этот... как вам сказать... тоже шел на выход, чтобы посмотреть вместе со всеми... Но как будто это мало его интересовало. Шел не спеша, поглядывая на себя в зеркало. Как, мол, выглядит. Все спешили, обгоняли его или, наоборот, спешили назад в гостиницу. Оживленно друг другу рассказывали. Хватались за головы...

– Понятно, – сказал я. – Потом вы его видели? На другой день, к примеру.

– К сожалению, не запомнил. Не до того было, понимаете. Вы будете смеяться, мол, начитался детективов. Но даже тогда, в этой суматохе и толчее, он показался...

– Не как все, – подсказал я.

– Именно так. Вы же сами просили рассказать, если вспомню что-нибудь необычное.

– Так-так. И какой же он был? Что необычного?

– Пожалуй, он выделялся ростом. Был высок, хотел я сказать.

– Как здоровье швейцара, кстати говоря? – спросил я, переглянувшись со Славой.

– Швейцара? – переспросил Бычков.

– Ну да, вы говорили, что у него температура.

– Завтра обещал выйти. Вы думаете, он что-нибудь знает?

– Ничего я не думаю, – зевнул я прямо в трубку. – Вы говорили, что человек болен. Вот я и хотел узнать, как его самочувствие. И спасибо за звонок.

– Кажется, я только зря отнял у вас время, – произнес он извиняющимся тоном.

– Отнюдь, – сказал я. – Наоборот, ваши сведения очень важны, сейчас я подошлю в гостиницу своего помощника, он запишет ваши показания.

– Он обратил на него внимание, поскольку клиент был высокого роста? – спросил Слава, едва я положил трубку.

– Вроде того... Старичок, тебе не кажется, что слишком много в этой истории косвенного, случайного, необязательного, а? Как никогда.

– Высокий рост, – продолжал он. – Хотя это совпадает. Плюс непрофессиональное поведение при высокопрофессиональной стрельбе.

Я вызвал к себе в кабинет следователя Могилинца, члена моей бригады, и попросил его съездить в гостиницу допросить Бычкова.

– Что-то Костя давно не звонил, – сказал я. – Сидишь тут, как на чемоданах, тебя уже, возможно, отстранили, а ты еще о чем-то размышляешь...

– Позвони ему сам, – сказал Слава. – Стесняешься, что ли? И все как есть скажи. Или мы работаем, или отдыхаем! Пусть скажет.

– Сам, поди, ждет, что и как, – сказал я. – Значит, что мы имеем? Рост – высокий, меткость – еще выше. Может, это олимпийский чемпион по стрельбе, которого позабыли-позабросили, а он в отместку подался в криминальные структуры?

– Вот ты бы туда подался, будучи олимпийским чемпионом? – спросил Слава.

– Разве что от скуки, – пожал я плечами. – Но ты мне не ответил.

– А что тут отвечать? – развел он руками. – Сам сказал, хотя тебя еще не отстранили, – непрофессиональное поведение при профессиональной стрельбе. Или это мои слова? А структуры бы это не допустили.

– Есть еще вариант, – сказал я. – Использовали и ликвидировали. Потом ликвидировали того, кто ликвидировал. Черт знает что...

– Это они сделали бы сразу после убийства Салуцкого, – серьезно и трезво сказал Слава. – Помнишь, я о деле Звонарева рассказывал?

– А может, им понравилось, – настаивал я. – Здорово у него с банкиром вышло. Решили еще попробовать. Стрелок-то какой!

– Все понял, – сказал Слава, придвигая к себе лист бумаги. – Значит, надо выяснить в Федерации стрелкового спорта, кто бы это мог быть. Что еще?

– Не забудь про рост, – подсказал я. – И узнай по моргам, не попадался ли им мужчина высокого роста, убитый в последний день-два. Тут могут по-всякому, но наверняка – прыгнуть, удавить, отравить.

– Тоже не просто, – вздохнул Слава. – Любой киллер, когда берется за столь ответственное дело, подозревает, что от него захотят избавиться. И потому всегда начеку. Но если что-то подходящее есть – молодой, высокий, сухой, загорелый... так? Сравним с фотороботом, если он получится.

– Здорово начинаешь соображать, – сказал я. – Ну а еще какие-нибудь светлые мысли приходят в твою голову?

– Мои сосуды расширились настолько, – сказал Слава, – что я уже перестаю понимать, зачем нам все это надо. Пусть «старший брат» возьмет это на себя.

– Они висяков не любят, – сказал я.

– А кто их любит? – заскучал Слава. – Только желтая пресса.

– Может, сами позвоним Косте? – спросил я. – Так, мол, и так. Сидим, как мокрые вороны под дождем критики средств массовой информации, и обтекаем.

– Мне, кстати, уже звонили из известных тебе газет, – сказал Слава. – Такие радостные. Как же, еще одно заказное убийство, которое нашим славным органам не по зубам.

– Пошли они... – сказал я.

– Они-то пойдут. И просить не придется. А нам что дальше делать? – снова занудил Слава.

– Так звонить или не звонить? – снова спросил я.

– Сначала пожуй что-нибудь, – ответил Слава. – Он запах через трубку распознает. И почти всегда угадывает.

– У меня не угадает, – сказал я, набирая номер.

Костя был на месте. Сразу снял трубку, будто ждал моего звонка.

– Чего-нибудь нашли? – спросил он вместо приветствия.

– Кого-нибудь еще замочили? – ответил я вопросом на вопрос. И почти явственно увидел, как он сморщился. Не от запаха, нет, который, согласно уверениям Грязнова, передается по проводам.

– Еще нет, – сказал он. – Но что-то в воздухе накапливается. Многие звонят, интересуются, как идет следствие. А вы, значит, тем временем бражничаете...

– Кто звонит? – спросил я. – Банкиры? Финансовые воротилы?

– И те и другие. Включая пресс-атташе. Тебе фамилии нужны?

– Значит, рыльце у них в пуху... – сказал я. – А мы вот тут с известным тебе сыщиком Грязновым поправляем здоровье и недоумеваем, почему нас до сих пор еще не отстранили за профнепригодность.

– Это за нами не заржавеет! – в тон мне ответил Костя. – Фоторобот готов? Насчет баллистической экспертизы я уже слышал. А фоторобот?

Откуда он взял, что мы его готовим? Ведь слова не сказал на этот счет. Мы переглянулись с Грязновым. Он округлил глаза. Что означало: сам впервые об этом слышит, хотя вряд ли он знал, о чем речь.

– Все будет в порядке. Только вот знать бы точно – убийца ли жилец одной старушки или ко всему этому отношения не имеет.

– Займись этим сам, – жестко сказал Костя. – Эта история на контроле у генерального. Ты понял?

Мы поняли. Иначе и быть не могло. Все встали на уши. Косте нужны не формальности, мол, стараемся, фоторобот готовим. Последнее убийство получило слишком скандальную огласку. Пресс-секретаря вице-преьера подстрелили прямо на территории «Белого дома». Это что ж дальше будет? – закатывали глаза популярные телеведущие.

А мы тут бражничаем.

– Намек понял, – сказал я Косте.

Слава глядел на меня.

– Поехали! – сказал я ему, положив трубку. – Нас бросили прямо в водоворот событий, не нами развязанных, теперь будут спорить: выплывем или нет.

Он смиренно кивнул, чувствуя себя виноватым.

– Поехали, – согласился он, с трудом поднявшись из-за стола. – Только куда?

– Пока не знаю. Там сообразим...

Только в дороге я сообразил, куда собрался ехать. К тому самому участковому, про которого рассказывала Фрязину старушка. Уж у него-то глаз наметанный. Уж он-то, наверное, сразу почуял недоброе.

У кого как, а у меня образ советского участкового целиком навеян советскими фильмами про нашу доблестную милицию.

Каково же было мое удивление, когда я встретил Володю Фрязина у порога служебной квартиры, где обитал искомый объект, совершенно грустного и потерянного.

Он ничуть не удивился, заметив нас, и приложил палец к губам.

Мы прислушались. Даже шумовой фон, присущий центру нашей столицы, не мог заглушить храп, доносящийся из-за двери.

– Отдыхает человек, – сочувственно сказал Слава. – Вон как славно храпит. Можно сказать, душу выкладывает после трудового дня и двух, не меньше, стаканов «Брынцаловки».

У Славы глаз наметанный, слух обостренный, нюх стопроцентный, как и положено опытной ищейке, поэтому я не стал перечить.

– И давно тут стоишь? – спросил я Фрязина.

– Да вот как от вас уехал, с тех пор и стою, – ответил он, деликатно отводя нос в сторону от начальственных запахов.

А я, в свою очередь, подумал, что как раз хорошо, что мы с храпящим окажемся примерно в одной кондиции. Легче будет понять друг друга, что пойдет на пользу делу. И в то же время слегка позавидовал Володе как единственному трезвому участнику переговоров трех выпивших сыскарей, пытающихся составить фоторобот неизвестно кого, поскольку до сих пор нет ни малейшего свидетельства причастности этого «высокого, сухого и загорелого» к убийству двух лиц.

– Долго мы тут будем стоять? – спросил Слава, слегка качнувшись.

Вопрос был резонным. Мне тоже надоело смотреть, как Володя нажимает и нажимает на кнопку звонка.

Я пнул ногой дверь. Она туго, но поддалась. Переглянувшись, мы нажали на нее. Наконец в образовавшемся просвете я увидел лежащего сотрудника милиции, издающего уже не храп, а многоэтажные выражения.

В коридоре стояла молодая истощенная женщина с ребенком на руках, которая безучастно смотрела, как мы пытаемся вломиться в ее квартиру, в то время как ее супруг самоотверженно пытается перекрыть нам путь своим телом.

Я не буду приводить подробности, как и какими средствами мы приводили в чувство бессмертную душу участкового, дабы потенциальный наш противник не узнал нашу методику и не воспользовался ею.

Когда участковый Антипенко Николай Иванович окончательно пришел в себя, то оказался молодым, светловолосым старшим лейтенантом в наилегчайшей весовой категории (что и позволило нам открыть дверь, несмотря на его пассивное сопротивление).

Он начал было выступать по поводу неприкосновенности жилплощади, а потом, махнув рукой, отправил жену Люсю за пивом.

Все это время Слава, переживая, сочувственно следил за перипетиями его возвращения в нормальное состояние, а потом задал наводящий вопрос:

– Коля, ты был в квартире Бодуновой, дом возле Склифа, когда тебе пожаловались на снимавшего там квартиру жильца?

– Был, – сокрушенно мотнул головой Коля Антипенко, пытаясь накормить ребенка из ложечки какой-то молочной кашей. – Был и строго указал.

– Документы его смотрел? – спросил я.

– Смотрел. Ничего особенного. Настоящие. А что?

– Фамилия! – одновременно воскликнули мы со Славой. – Фамилию ты зафиксировал? А как он выглядит, не помнишь?

– Ну, – смутно произнес он, как бы припоминая. – Где-то записал...

И даже сделал телодвижение в сторону стола, заваленного детскими ползунками, тарелками и какими-то мятыми бумажками. В это время дите заплакало, и это отвлекло его внимание.

Мы со Славой переглянулись. Потом посмотрели на несчастного Володю. Почему-то ему казалось, будто он виноват в том, что происходит. Неплохое, кстати говоря, качество.

Способствует воспитанию чувства ответственности в подрастающем поколении, спешащем нам на смену.

Поэтому Слава встал, взял ребенка на руки, и тот замолк, приоткрыв ротик и глядя на новоявленную няню.

– Не отвлекайся, – строго сказал Слава участковому Антипенко, обомлевшему от такого посягательства уже не на служебную квартиру, а на собственного сынишку.

Между тем ребенок мирно ел кашу из ложечки, которую умело наполнял Слава Грязнов. Наш участковый сморщил лоб, как бы припоминая, для чего мы все к нему явились. А припомнив, вдруг засуетился, побежал на кухню, стал там хлопать дверцей холодильника.

Мы снова переглянулись. Зря на него рассчитывали. Следовало его подробно допросить по всем правилам, когда протрезвеет.

Но пока мы молча приходили к единому на этот счет мнению, старший лейтенант Антипенко, взявший в свои руки инициативу, появился в дверях комнаты с радостным ожиданием во взоре.

В одной руке он держал недопитую бутылку, а в другой – мятую бумажку.

– Вот! – сказал он, показывая издали свои каракули. – Прохоров Иван Владимирович! Шестьдесят восьмого года рождения. Прописан в Барнауле. А как выглядит – убей Бог, не помню.

15

Полевой командир Руслан Садуев сидел на подушках, почти не мигая – привык! – под светом телекамер. Щурился только тогда, когда не без интереса останавливал свой взгляд на юной журналисточке из некогда комсомольского издания.

Та, в свою очередь, восторженно смотрела на героя освободительного движения, только что завершившего свою вылазку за священные границы свободолобивой Ичкерии и вернувшегося с богатой добычей и многочисленными заложниками, захваченными по дороге домой. Он захватил их, когда федеральные вертолеты стали особенно свирепствовать, кружась над колонной автобусов, набитой бойцами в черных повязках, а также женщинами и детьми.

– Русские бомбы разрывают наших женщин и детей на куски! – говорил Руслан, рисуясь на фоне огромного, богатого ковра с затейливым орнаментом. – Почему мы не можем ответить тем же? Пусть узнают, каково это видеть отцам и братьям! Пусть поймут, что движет нами в нашей справедливой борьбе за независимость и наше достоинство!

– Аллах акбар! – провозгласили телохранители и домочадцы Руслана, присутствующие при этом. И телекамеры послушно повернулись в их сторону, а глаза юной журналистки увлажнились.

– Скажите, Руслан Хамидиевич, наверное, вам не просто было на это решиться? – спросила она, протягивая микрофон ему под самый нос. – Наверное, вам хочется вернуться к мирному труду, растить хлеб, нянчить детей, строить дома и видеть процветающей свою гордую страну?

– Очень хочется, – ответил полевой командир Садуев, пряча улыбку в бороду, и его телохранители отчего-то дружно засмеялись.

– Но все-таки это женщины и дети, – робко сказала другая журналистка, лет сорока. – Неужели у вас не дрогнула бы рука...

– А у ваших летчиков рука дрожит, когда он бросает бомбы на мирные чеченские села и города? – разгневался Садуев, приподнявшись с места и взявшись правой рукой за инкрустированную рукоять кинжала. – Когда они бросали бомбы на наши дома, они разве не знали, что там есть дети? Кто звал вас сюда, русских, когда вы начали свою интервенцию в нашу страну?

Потом он успокоился, снова опустился на подушки, подмигнув журналисточке.

– Впрочем, сегодня вы мои гости. Я вас сам пригласил, и надеюсь, что мое гостеприимство, – он прижал руку к сердцу, продолжая смотреть на журналисточку исподлобья, – не показалось вам неприятным.

Она в ответ прикрыла глаза, чуть улыбнувшись.

– Как вам все-таки удалось, Руслан Хамидиевич, так легко проникнуть на территорию России? – подобострастно спросил журналист очень независимой телекомпании.

– Деньги, дорогой, все решают деньги! – заулыбался полевой командир, разводя руками: мол, еще спрашиваешь...

– Но неужели все можно – за деньги? – ужаснулась журналисточка. – Неужели наши российские солдаты и офицеры, наша армия, сохраняющая традиции, могут вот так, свободно, все сделать за деньги?

– Ай, слушай, ты как маленькая! – сокрушенно покачал головой герой дня. – Офицерам не платят, солдат не кормят... Как еще, скажи мне, Россия собиралась воевать с Америкой, а? Дашь ему – на, возьми, дорогой, купи себе немного продуктов, – а он еще спросит: вам, дяденька, не нужны гранатометы? Задешево бы отдал парочку... Или назад уже едем, бензин, смотрю, кончается. Где его взять? А на ближайшем блокпосту! Там у них всегда

припасено, – он снова подмигнул. – Не в первый раз замужем, как говорит хорошая русская поговорка. С задания возвращаемся – где запчасти взять, где патроны? На блокпосту! Там уже ждут, готовы только баксы!

Он потер пальцем о палец, сладострастно улыбаясь. А потом, не торопясь, вытащил толстую пачку зеленоватых банкнот из-за пазухи. И выразительно посмотрел при этом на журналисточку, изменившуюся в лице.

– Никогда не видела, да? Я тебе еще не то покажу. А сейчас, извините, сделаем маленький перерыв.

– А на сколько? – спросил кто-то из операторов.

– На сколько... Я пописать хочу! Пока штаны расстегну, пока отолю, – он загибал пальцы. – Руки после помыть надо? Минут пять, да?

– Что? Что он сказал? – спрашивали иностранные корреспонденты. – Что есть пописать?

В основном спрашивали юную журналисточку из бойкого молодежного издания, растерянно глядящую сейчас на своего кумира.

Руслан что-то сказал по-своему телохранителям, те кивнули, встали у дверей, через которые он вышел на улицу в сопровождении трех человек. Они окружили его, когда он остановился в раздумье возле забора.

– Далеко идти, да? – спросил он, указывая на стоявшую в отдалении будку. – И не освещено, да?

– Русские где стоят, там и оправляются, – поддакнул кто-то из подчиненных.

– Мы не можем до них опускаться, – строго сказал Садуев. – Они почему войну проигрывают? Потому что малокультурные. Но, учитывая сложившуюся обстановку, что гости, среди которых немало женщин, нас ждут, можно последовать примеру солдат побежденной армии.

И с этими словами расстегнул ширинку, повернувшись спиной к забору.

Струя зашипела в пыли. Руслан стоял, расставив ноги, наклонив бычью шею. Его спутники сосредоточенно молчали, думая каждый о своем или поглядывая на темнеющее небо.

Пуля вошла в склоненную шею, почти под затылок, отчего Руслан, как от толчка, дернулся вперед, потом стал медленно и молча оседать. Струя продолжала шипеть под его ногами.

Телохранители не сразу поняли, что произошло. Ведь только что стоял. Не сказал ни слова. И вот присел на корточки, потом ткнулся лицом в собственную мочу.

Через несколько секунд они что-то закричали по-своему, подхватили мертвого командира, втащили его в помещение и положили на ковер.

Все увидели его измазанное грязью и кровью лицо. Женщины запричитали, стали вспыхивать блицы. Рассвирепевшие охранники набросились на корреспондентов, стали избивать их, ломать аппаратуру, потом объявили всех своими заложниками, а также агентами ФСБ.

Только журналисточку, по-детски заплакавшую при виде трупа героя будущего репортажа, не тронули, возможно, за ее слезы.

Так или примерно так рассказала мне эту историю другая журналистка, та, что постарше, и еще один иностранный корреспондент, когда их удалось обменять на пленных боевиков и они вернулись в Москву. Эту встречу мне устроил у себя в кабинете Костя Меркулов, попросив новую секретаршу Зиночку (которую я еще не видел, а он до сих пор не похвастался) принести нам всем чаю.

– Судя по вашему рассказу, Вера Петровна, он был убит, когда стоял спиной к забору, – уточнил я.

– Именно так, Александр Борисович, – кивнула она. – Не подумайте, что мне доставило удовольствие за ним подглядывать. Просто мне было видно из той части окна, которая не

была зашторена. И хотя было достаточно темно и я сразу отвернулась, все-таки успела это заметить.

– Значит, спиной к вам. К дому, – сказал Слава Грязнов. – А что, простите, за домом? Откуда был произведен выстрел? Как вы думаете?

Слава был сегодня при галстукке и тщательно выбрит, зная, куда направляется и кто там будет. И разговаривал с дамой предельно деликатно, даже конфузился, когда речь заходила о естественном отправлении славного сына гордого народа.

Через четверть часа в Мраморном зале прокуратуры состоялась короткая пресс-конференция.

– Простите! – сказал иностранный журналист, откуда-то из Юго-Восточной Азии. – Ведь официально для ваших властей этот чеченец есть бандит, на которого заведено уголовное дело с многочисленными обвинениями в убийствах и захвате заложников. Разве он не объявлен вне закона? Разве его не следовало убить?

– Он – российский гражданин! – торжественно изрек Слава. Почему-то с иностранцами он разговаривал только так, с пафосом. Наверное, считал это верным дипломатическим тоном. – И пусть он совершил преступление! – При этих словах его глаза засверкали. – Тот, кто его убил, – тоже преступник, хотя и спас своим выстрелом очень многих невинных.

– Кроме тех, кого настигнет кровавая месть, – добавил я. – А им несть числа. Понятно, что мы должны как можно скорее все выяснить и во всем разобраться.

– И вы собираетесь в этом разобраться, сидя здесь, в Москве? – язвительно спросила Вера Петровна. – Или поедете туда, в его родное село, чтобы разобраться?

Мы переглянулись. Говорить или не говорить? Хотя какой уж тут секрет...

– Дело в почерке, – сказал я, положив вовремя руку на плечо Грязнова, готового вновь пуститься в красноречие. – Точно так, как это описывалось в газетах, были убиты банкир и пресс-секретарь нашего вице-преьера...

– А вы, кстати, знаете, что этого вице-преьера уже сняли? – спросила Вера Петровна.

– И вы полагаете, будто здесь есть какая-то связь? – спросил я в свою очередь и снова посмотрел на Грязнова. Тот в ответ пожал плечами. Мол, ничего не знаю, впервые слышу. – Отдаю должное вашей осведомленности, – я склонил голову перед Верой Петровной. – Хорошо бы узнать – за что?

– Да-да! – что-то не понял ее коллега, чью фамилию я никак не мог вспомнить. – Он снят. Уже есть указ, опубликовано будет завтра.

Я опять взглянул на Славу. Тот оскорбленно молчал. Иностранцы знают, а он нет...

– Не будем отвлекаться, – сказал я.

Иностранец оживленно закивал.

– Да-да! Делу – время, потехе – час! – с удовольствием произнес он русскую поговорку.

– Так откуда, по-вашему, стреляли? – снова спросил я. – Что там? Лес, горы, соседние дома, высокие здания? Что?

Подумав, Вера Петровна ответила:

– Домов там, кажется, нет. А горы... Ну не горы в полном смысле, а так только – сопка, поросшая лесом.

– Самое то! – не удержался Слава. – А как это далеко от места, так сказать, события?

Вера Петровна уставилась на иностранца.

– Метров пятьсот, – неуверенно сказала она.

– Меньше, – покачал головой представитель Юго-Восточной Азии. – Метров четыреста.

Я с сомнением посмотрел на обоих. Ну женщине вроде ни к чему такая точность. Но ведь и этот... представитель заверяет. Попасть за четыреста метров под затылок, в темноте...

– А что делали потом его кунаки? – спросил Слава. (Вот точный вопрос. С этого следовало начинать, Александр Борисович.)

– Побежали искать убийцу, – ответила Вера Петровна.

– Куда именно? Вы видели – куда?

– Куда... – Она снова обратила свой взгляд на коллегу. – Они стали кричать, осмотрев хозяина, и показывать пальцами не на сопку, а куда-то вбок. Там околица села, по-нашему.

Значит, осмотрели его рану, входное отверстие, вспомнили, где он стоял, перед тем как в него попала пуля. И поняли, откуда выстрел...

– Потом они сели в машины, – вспомнила она. – И тоже с криками, с матерной руганью, а некоторые со слезами, погнались в ту сторону, куда мог податься стрелявший.

– Значит, не с горы, – спросил я, – тогда откуда, по-вашему, произведен был выстрел?

– Немного сбоку, – сказала она. – Метров, думаю, сто, не больше... Потом, когда мы выбежали, вернее, нас выгнали во двор, я будто услышала шум машины.

Картина стала более правдоподобной. Выстрел с расстояния около ста метров. Тоже очень трудно попасть, тем более в ту же точку. И ночной прицел должен быть отменным. Я видел наш прицел. Громоздкий, тяжелый, на большом расстоянии изображение цели довольно размыто, как в отечественном телевизоре с отечественной антенной. Слышал про французские и немецкие инфракрасные прицелы. Мол, небо и земля, если сравнивать с нашим. Но можно ли в них с такого расстояния различить того, кто вышел в сумерках по естественной нужде?

– Пулечку бы ту посмотреть... – вздохнул Слава.

Я его понимал. Пуля у чеченцев. Сначала бы еще какую-нибудь деталь, подробность, позволяющую понять, что стрелял тот же самый. Пока об этом говорит лишь необычайная меткость стрелявшего. И только. Единственная зацепка. Меркулов замашет руками: чур меня, чур... Очертя голову кидаться в пекло Чечни? И чего ради? Какие у вас для этого резоны, милейший Александр Борисович? Ваша хваленая интуиция, и только?

И будет прав. Единственное, что объединяло два первых трупа, кроме меткости снайпера, – их знакомство при жизни с Сергеем Горюновым.

Слава посмотрел мне в глаза. Еще одно нераскрытое убийство на территории России: Чечня пока официально входит в состав нашей Федерации.

– Вызываем Горюнова? – спросил он.

Я поморщился. Конечно, с точки зрения следствия его допрос необходим. Кажется, я уже говорил, что Горюнов мне неприятен. Понимаю – непрофессионально, но ничего не могу с этим поделать.

Слава считывал информацию с моего лба. И потому сказал, чуть помедлив:

– А ты представь на минуточку, что он тоже был каким-то образом знаком с убитым. Значит, он – ценный свидетель!

16

На другое утро после охоты с последующим застольем генерал Тягунов проснулся не в лучшем расположении духа. Головка бо-бо, во рту стройбат ночевал. По стене важно шествовал, почесываясь, длинный рыжий таракан. Черт знает что! Охота – дело хорошее, но после подведения итогов. Нельзя начинать с того, чем следует заканчивать. Попробуй теперь укажи на существующие недостатки. Не так поймут. Начнут интриговать. Чего доброго, отошлют в столицу рапорт об аморальном поведении инспекторов Генштаба. И что это за малый все время крутился под ногами и не знал, как угодить? Вернее, знал. И даже очень хорошо знал.

Генерал посмотрел на часы. Девять ноль-ноль. Уже должен прибыть полковник Романов и сопроводить комиссию в огневой городок на стрельбы. Мол, вчера было все снегом занесено, сегодня должны бы расчистить.

Ну-ну... Одевшись, Геннадий Матвеевич вышел в коридор гостиницы. Подчиненные уже стояли там. Он хмуро, ни на кого не глядя, поздоровался.

– Запоздывает, однако, полковник Романов, – сказал кто-то.

– Возраст! – откликнулся другой. – К тому же жена молодая. Любит утром понежиться. А сам у стенки спит... Пока перелезет, вот минут десять добавь.

Все натужно рассмеялись бессмертному солдатскому анекдоту. Надо же как-то убивать время...

Тем временем Сережа Горюнов убивал время по-другому. Он подъехал к КПП на командирском «газике» и потребовал, чтобы открыли ворота. Дневальный замешкался. Сережа выскочил из машины, свежий, подтянутый, хорошо выбритый, в неизменном полуботинке, и вдруг встретился взглядом с небритым сухим брюнетом, стоящим без шапки по другую сторону ворот. Сережа почувствовал, как у него похолодело внутри, под ложечкой, – по усам он узнал своего «ангела-хранителя».

– Здорово, земляк! – приветствовал брюнет хриплым голосом. – Не узнаешь, дорогой?

– Что значит – не узнаешь! – растерянно воскликнул Сережа, оглянувшись на неопрятного дневального, прислушивающегося к их разговору. – Свистунов! Почему посторонние возле части?

– Да я им уже сказал... – лениво произнес дежурный по КПП. – А они отойдут, потом снова приходят.

Только сейчас Горюнов заметил еще одного, с непокрытой головой, прикуривающего у какого-то солдата возле дверей КПП.

– Служишь теперь, да? – усмехнулся «ангел-хранитель». – Молодец! На самолет не сел, думал, не найдем тебя?

– Сейчас же убрать от ворот посторонних! – повысил голос Горюнов. – Вы слышали, что я сказал?

Дежурный прапорщик сумрачно посмотрел на всесильного писаря строевой части, с которым прежде служил в одной роте и которому вроде бы не должен подчиняться. Но лучше не связываться... Хотя интересно знать, что еще скажет этот чеченец, или кто он там... Никогда еще в полку не видели своего благодетеля столь растерянным.

Он неохотно вышел за ворота.

– Ну все, все... Вы же сказали, что знакомую ждете. Идите отсюда, нечего вам тут делать.

– Ай, некрасиво, а? – покачал головой «ангел-хранитель» и поцокал языком. – Такой красивый, такой важный, да? А друзей не хочешь узнавать. Все забыл? Тогда я тебе напомню.

И погрозил Сереже пальцем.

Тесным же дежурным, он отошел на несколько метров от ворот, что-то сказал своему напарнику по-своему, и оба, решив, что расстояние до ворот стало достаточно безопасным, присели на корточки, чего-то поджидая.

– Меня Руслан зовут! – крикнул «ангел-хранитель» издали. – Я говорил, под землей тебя сыщем? Или думал, искать не буду, раз самолет разбился?

– Поехали, – нервно сказал Горюнов водителю, заслушавшемуся столь диковинными речами. Никто еще так не разговаривал с Горюновым. Наоборот, все говорили с ним только ласково и просительно. Особенно начальник.

Что уж тут говорить о рядовом и сержантском составе...

– Ну что рот разинул, спрашиваю! – рявкнул Сережа. – Едем! Нас ждут!

И «газик» промчался мимо кавказцев, по-прежнему сидевших на корточках, обдав их снежной пылью.

«Почему они не в кепках? – думал Сережа. – Странно, тогда было тепло, а они носили кепки. А сейчас на морозе – без головного убора».

Это была неотвязная, тупая мысль, которая сначала заслонила все остальное.

Значит, попался? А что они могут? Что? В военную прокуратуру пойдут? Да никогда! Но теперь за пределы части хоть не высовывайся. Они теперь не отстанут. Но как нашли? И откуда знают, что он не разбился вместе с самолетом? Впрочем, они могли знать, что милиция его искала. И должна была найти там, в накопителе. Раз там не нашли, значит, его не было и в самолете. Улучил момент, посмотрел, что они ему дали, и решил с этим сбежать. А когда узнал о гибели воздушного лайнера, успокоился – теперь в полной безопасности.

Так оно и было.

Единственное, на что он никак не мог решиться, – вывезти бриллианты. Уже несколько раз Сережа летал в Москву, но не брал их с собой. Хотел проверить – не ищут ли его. Кажется, не искали. Но всегда – или это казалось – работники милиции внимательно посматривали на него, будто припоминая: не видели ли кого-то похожего в оперативках. А в последний раз – обыскали. Он даже покрылся холодным потом.

Ведь в тот, последний раз он уже решился было взять их с собой. Но в последний момент передумал.

Он уговаривал себя, что это блажь, слабость – милиция ищет наркотики. Несколько раз мимо него проводили собаку, которая шла, рассеянно помахивая хвостом. Однажды на его глазах собака вдруг вырвала дамскую сумочку у какой-то модно одетой девушки. Никто бы не подумал ничего такого, глядя на нее. Всего-то оказалось – на один укол или понюх. А вот увели куда-то и в самолете ее уже не видели.

И его отыскивали. Эти похуже милиции. Будут вынюхивать и выслеживать. И не отстанут, пока свое не получат.

Но сейчас не об этом должна болеть голова. В «дипломате» у Сережи готовые материалы инспекторской проверки во всем объеме.

Хотя к ней, проверке, еще даже не приступали. Тут важно быть наглым. Можно даже перейти со всей непринужденностью на «ты», поскольку только вчера пил со всеми на брудершафт. Так было с несостоявшимся тестем, проректором консерватории. Вне себя от бешенства был проректор во время того разговора на экзамене по сольфеджио.

Эти, на трезвую голову, тоже не позволят никакого панибратства. Плевать. Он, Сережа, знает про них все. И даже больше, чем они про себя.

Клерки из Генштаба доложили вовремя. Кое-кому из них перепали снадобья из голов марала. Ведь столько вокруг соблазнов!

Даже здесь, в цитадели сурового, овечьего славы, сугубо мужского ремесла появилось множество всякого рода секретарш с их длинными ногами в широко разрекламирован-

ных колготках, с их знанием английского и компьютера, с их умением в отличие от тяжело-весных генеральш обольстить и развлечь.

И вот уже эти клерки носятся в поисках шампанского, презервативов, шоколадных наборов. И живительных снадобий из упомянутых выше оленьих рогов.

Все знает Сережа про тех, к кому он сейчас спешит в гостиницу с отчетом о работе, к которой они даже не приступали.

И вот он уже в этой пропахшей карболкой и жидкостью против тараканов гостинице, благоухающей подобным образом всякий раз, когда приезжает высокое начальство. И взбе-гает наверх, в лучшие номера, в коих прежде останавливались лишь подружки секретарей обкомов да заезжие гастролеры из областной филармонии.

Сейчас, сейчас они увидят его в погонах прапорщика. Вот будет сюрприз! Вот будет шок! И этим надо воспользоваться, пока противник, в данном случае комиссия Генштаба, в полном замешательстве.

Подобной сценой заканчивается «Ревизор» Гоголя. А у нас все с этого только начина-ется. Но ничего. То ли еще будет.

Они смотрят на Сережу, отвалив нижние челюсти чуть не до самого пола. Значит, с этим прапором мы вчера пили-ели? Позволяли ему хлестать себя по интимным местам дубо-вым венчиком? А сейчас он стоит перед нами во всем блеске своих двух зеленых звездочек – и хоть бы каблуками прищелкнул! Одно только нахальство во взгляде – и никакой субор-динации!

– Товарищ генерал-полковник! Прапорщик Горюнов прибыл для ознакомления с результатами проверки!

Тягунов побагровел. Глядя на него, Сережа подумал, что генерала вот-вот хватит кон-драшка. Что он, Сережа, перестарался?.. Может, не с этого надо было начинать? Не стараться ошеломить, а, учитывая возраст, подготовить...

Тем более уже слышно, как по коридору доносится, приближаясь, цокот каблукочков.

– Где командир полка полковник Романов? – грозно рявкнул генерал Тягунов. – Почему не прибыл доложить?

– Нездоровится после вчерашнего, – весело ответил Сережа, и даже подмигнул. – Но просил передать свои извинения.

И оглянулся вместе со всеми в сторону усиливающегося перестука звонких каблукочков.

В номер вошли, покачивая бедрами, давешние молодки, опять же с подносами, на кото-рых опять же что Бог послал: рассол, пиво такое, пиво слякое, баночное, импортное, «Жигу-левское», светлое, темное...

И минералка «Арзни» для генерала. (Сережа специально узнавал в ночном разговоре с Генштабом по ВЧ, чем предпочитает опохмеляться председатель комиссии на другой день.)

И если Тягунов по-прежнему насупленно смотрел на творящееся безобразие, то его подчиненные аж привстали, вождеденно поглядывая и на молодок, и на прохладительные напитки. Но не смели вслух выразить свои эмоции, ждали реакции старшего по званию.

Вот тут Сережа спокойненько, не спеша, достал из «дипломата» принесенные бумаги и, пользуясь растерянностью в рядах, протянул их генералу. Тот сглотнул слюну, проводил взглядом каплю, стекающую по потному боку зеленой бутылки «Арзни», и нечеловеческим усилием перевел взгляд на бумаги. При этом он продолжал грозно хмуриться.

– Это еще что? – спросил он. – Что, я вас спрашиваю!

И ударил кулаком по столу, отчего одна бутылка с «Жигулевским» свалилась на пол. Все дружно охнули, проводив ее глазами, а потом облегченно вздохнули, убедившись, что она не разбилась.

Отметив все это, включая и реакцию высокой комиссии на падение бутылки с пивом, Сережа поднял на генерала невинные глаза, полные доверия и покоя.

– Как что, Геннадий Матвеевич? А вы прочитайте! Результаты стрельбы...

– Какой стрельбы! – Генерал трясущимися руками перелистывал бумаги. – Какая общая оценка? Какие еще цели поражены с первого выстрела? Вы что, издеваетесь? Вы как стоите перед старшим по званию?

Но никто не испугался генеральского рыка. Молодки продолжали лукаво улыбаться членам комиссии. В первый раз, что ли... Потом известно, чем заканчивается. Прощальным банкетом с повторением программы.

– Ах, я, наверное, перепутал! – воскликнул прапорщик Горюнов, картинно хлопнув себя по лбу. – Наверное, это счет из лесничества нашего заказчика. Все-таки три кабана и один олень... Но не беспокойтесь, мы все оплатим. А с другой стороны, Геннадий Матвеевич, разве плохо постреляли? Вы же с первого выстрела свалили кабана! И товарищ полковник Писарев – тоже. Ну если не с первого, то можно и поправить. Да вот перепечатать некому. Машинка сломалась. Машинистка всю ночь, бедная, перепечатывала, сейчас спит. А у вас вечером самолет обратно в Москву... Да что это я все о делах да заботах. Угощайтесь, не стесняйтесь, вы же наши гости.

Генерал растерянно смотрит на своих подчиненных. Те отводят глаза. А вот молодки продолжают улыбаться, припоминая, видимо, ночные игрища.

А как прозвучала команда прапорщика, никто не посмел послушаться, все дружно схватили сосуды с живительной влагой. Только «Арзни» никто не посмел тронуть. Для генерала – значит, для генерала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.